Не оставляй меня, любимый!

Автор:
Олег Рой

Не оставляй меня, любимый!

Олег Юрьевич Рой

Капризы и странности судьбы

Сергей Аникеев казался избранником судьбы – созданная им социальная сеть «Мы» завоевала огромную популярность, принеся создателю славу и деньги, а еще он встретил большую любовь. Но не зря говорят, что судьба одной рукой дает, а другой отнимает: Карина, невеста Сергея, сообщила, что больна раком. Отныне ее блог, получивший название «Не оставляй меня, любимый», посвящен борьбе со смертельной болезнью. Миллионы пользователей поддерживают Карину, но между ней и женихом словно пробежала черная кошка, да и у него внезапно начались проблемы с бизнесом…

Олег Рой

Не оставляй меня, любимый!

Памяти моего сына Женечки

посвящается

© Резепкин О., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Меняется мода, преображаются предметы, которыми мы окружаем себя, но не изменяется человеческая природа.

Когда-то давно образованные люди вели дневники. Затем возросший темп жизни, казалось, поставил крест на этом интересном, но отнимающем время и требующем умиротворения и спокойствия занятии. Но, вероятно, потребность в нем слишком глубоко «прошита» в человеческой природе – с появлением социальных сетей и мобильных гаджетов дневники внезапно воскресли в виде блогов.

И, по-моему, это хорошо. Такой дневник-блог позволяет в любую минуту заглянуть в свое прошлое, встретиться с самим собой, таким, каким ты был несколько лет назад… Ужаснуться своей наивности, улыбнуться чистоте и незамутненности, с какими ты воспринимал мир не так давно, почувствовать сладко-томящее чувство ностальгии, легкую грусть от допущенных ошибок и облегчение от того, что все выпавшие на твою долю испытания уже позади. Пофантазировать о машине времени, чтобы вернуться в прошлое и шепнуть самому себе: этому не верь, а вот к той девочке присмотрись. Ну, и про колебания курса за истекший период, чтобы на этом немного поднять презренного металла.

Вздохнуть еще раз – и закрыть страницы, которые с годами не пожелтеют и никогда не исчезнут, разве что какой-нибудь глобальный блэкаут уничтожит все зеркала, сохраняющие архивы ресурса, на котором открыт твой интернет-дневник.

Иногда я хочу удалить этот блог, но что-то меня все время останавливает. Словно я собираюсь уничтожить часть своей личности. А если я это сделаю – останусь ли я прежним? И не изменится ли от этого вся моя жизнь? Вроде бы странные вопросы для того, кто о соцсетях знает намного больше всех остальных, за исключением корифеев вроде Цукерберга.

И тем не менее я всякий раз останавливаюсь, а затем просто закрываю страницу и выхожу. Не сегодня. Может быть, когда-нибудь, а может, и никогда.

А иногда я просто перечитываю то, что писал, кажется, целую жизнь назад. Целую жизнь… а еще и трех лет не прошло с того момента, когда я сделал этот пост. Запись, с которой началась история, достойная того, чтобы на ее основе написать роман.

Жаль, что я не писатель. Я простой программист. Может, конечно, не совсем простой, не каждый способен создать в одиночку социальную сеть, которая медленно, но верно выдавливает конкурентов с рынка.

И все-таки моя история – не роман, не вымысел. Шрамы от нее еще долго будут болеть в моей душе, возвращаясь кошмарами и внезапными паническими атаками. И именно в эти моменты я вновь открываю блог с целью убедиться – все уже закончилось. Что пережитый мной кошмар никогда не вернется, по крайней мере, наяву.

Хотя не раз придет ко мне в снах.

А началась эта история вот с такой записи:

Сергей Аникеев.

14 августа 21:08

У вас бывает deja vu?

А у меня, как оказалось, бывает.

Забежал сегодня в кафе на первом этаже своего офисного центра, кофе перехватить и пожевать чего-нибудь. Погодка в Москве скорее сентябрьская, чем августовская – с утра дождь моросит, небо в серых тучах, словно город накрыт старым ватником. Что-то я последнее время стал много внимания уделять погоде. Старею, видать;)

Так вот, забегаю, значит, в кафешку, не в ту, что обычно, а в стекляшку с видом на автостоянку. Моя сегодня закрыта с утра, у них там что-то на щите коротнуло, сидят без света и без холодильников. Подумать только, а ведь у меня

в корпусе – офис мелкомягких и три эм[1 - Имеются в виду компании «Microsoft» и 3M.]. А что-то постоянно ломается – то лифт, то вентиляция, то освещение в коридорах пропадет. «Говорил я тебе – место проклятое»: D.

Короче, забежал в стекляшку, ничего, думаю, один раз – не Леголас. Хотя фастфуды я не люблю, а гламурные так и вообще. В стекляшке постоянно очередь, поскольку мой корпус – вообще проходной двор, и все, кто туда-сюда шастает, заруливают на кофе-брейк именно туда. Вот и сейчас, гляжу, очередь стоит, не так чтобы очень, но человек шесть. Пара местных хипстеров, солидный дядя в хорошем костюме, девочка из лавки на первом, где продается всякая сувенирная хренотень (кажется, Лиза, я был с ней немного знаком), и Она.

Небольшое лирическое отступление: наверно, период влюбленности в актрис наблюдался у всех? Не в таких, как Саша Грей, я имею в виду, в нормальных. Я не исключение, я вообще никогда не был исключением из правил. Если вы хотите узнать, как выглядит среднестатистический москвич между двадцатью пятью и тридцатью пятью, можете смело посмотреть на меня. Так вот я в раннепубертатном возрасте имел счастье, или наоборот, посмотреть телесериал… запамятовал, там про мужика и его дочь, которая оказывается дочкой, на секундочку, Белоснежки. Или, наоборот, злой мачехи – я уж и не упомню. Там еще был прикольный волк, который ни разу не волк, и играл тот чувак, который в «Бегущем по лезвию».

Так вот главная героиня, которая дочь то ли мачехи, то ли наоборот, меня, как выражались в прошлом веке, сразила прямо в сердце. Я бредил ею и даже купил журнал «Кул герл» с ее постером, который (постер в смысле, а не журнал) повесил на стенку рядом с постером из «Терминатора». Вот.

Потом, понятно, я об этой девочке и думать забыл: приходит время, и киношные красавицы проигрывают пусть и не таким привлекательным, но куда более доступным девочкам из реала. Плюс как раз тогда я увлекся программированием, поскольку хотел научиться писать моды[2 - Мод – сокращенно от «модификация», самодельный вариант компьютерной игры с иным сюжетом, героями, антуражем и т. д.]для любимых игр. С модами как-то не сложилось, несколько я создал, но так и не поиграл толком – программирование внезапно оказалось интереснее. Вот, говорят, от компьютерных игр никакой пользы, кроме вреда. Ха-ха, три раза: да не будь этих игр, стал бы я тем, кем стал?

Я оканчивал школу, начал понемногу калымить прогерством, готовился к поступлению в профильный ВУЗ, в общем, как говорится, на быстром марше не до баб (с), тем более не до тех, что на экране. Потом были армия (в институт с первого раза я не поступил), учеба, экзамены, сессии, и светлый образ заокеанской звезды потускнел до полной неразличимости, как вдруг на Белорусском вокзале я столкнулся с той самой актрисой! Точнее, конечно, не с ней самой, но с девочкой, настолько на нее похожей, что у меня челюсть на пол повалилась, как в мультиках «Уорнер Бразерс». Шел самый разгар нулевых, и на вокзале стоять разинув рот являлось небезопасным занятием. Впрочем, я тогда был гол как сокол и даже стрелял курить, а вот у нее имелось что тырить, и пока она чего-то там смотрела на табло, какой-то вертлявый цыганчонок выхватил у нее прям из-под мышки сумку-крохотулю, как я потом узнал, именуемую «клатч».

В то время от цыган в оживленных местах столицы вроде вокзалов или рынков проходу не было. Куда они потом делись, я понятия не имею и не сильно интересуюсь. Так вот мелкий шкет из народа, давшего миру Сличенко и Валентира, выхватил сумочку из-под мышки моей сказочной красавицы и рванул прямо ко мне, поскольку я как раз находился у выхода из зала. Что в таких случаях делают, я с детства знал и, как бы ненароком, выставил ногу, о которую этот товарищ благополучно споткнулся, кубарем покатившись в выход и, к счастью, уронив клатч.

Девушка бросилась ко мне… конечно, не ко мне, к своей сумочке. Но она прекрасно видела, кому была обязана спасением своего имущества. Скажите честно, мужики-подписчики: кто из нас не мечтал о таком стечении обстоятельств? Думаю, не ошибусь, если скажу, что с подобного сценария начинается половина романтических и эротических фантазий мужской половины человечества.

И что сделал я?

Пока моя волшебная принцесса ловила на скользком полу китайский клатчик из кожи розового пластикового поросенка, я потихоньку улизнул! Кто сказал «чудак»? Поверьте, я себя после этого называл еще покруче. Да, я об этом жалел, жалел примерно полгода без выходных и еще года два время от времени. Но…

У меня на тот момент не было вообще ничего. Ни денег, ни собственного жилья. Я снимал койку в комнате трехкомнатной квартиры в Балашихе, где, кроме меня, жили сильно пьющий на почве грядущего развода мужик – мой тезка – и гость из далекого Ташкента, работавший дворником в нескольких домах. Допустим на секундочку, что эта девушка оценила мой поступок так, как мы это представляем, и что дальше? Я даже в кино ее сводить не мог, потому что не было денег на билет, и тем более не мог пригласить ее к себе, поскольку мое «себе» ограничивалось койкой да тумбочкой. Ах-ах…

Вот считайте меня после этого кем хотите, а расклад для меня тогда был именно вот такой.

Скажете, ну при чем тут эта баянистая cool story? А при том, что в этой самой очереди я внезапно вижу ее, мою принцессу из сказки. Придержав челюсть от неминуемого падения, я подумал: черт возьми! Один раз, конечно, можно лохануться, но два раза на одни и те же грабли наступают только полные дауны. В конце концов, мне уже не двадцать и даже не двадцать пять, чтобы робеть. Короче, собрался я с духом, подошел к ней и сказал:

– Здрасьте. А вы меня совсем не помните?

Она окинула меня взглядом… у нее стал совсем другой взгляд. Тогда она смотрела вокруг как ребенок, которому все интересно, все кажется чудом. Сейчас в ее взгляде сквозил неприятный холодок:

– Нет, а должна?

– Мы с вами как-то виделись, – сказал я, чувствуя предательскую робость. – На вокзале. Белорусском.

– Не знакомлюсь на вокзалах, – отрезала она, глядя на меня как прославленный режиссер на столовскую курицу, поданную ему к завтраку. – И вообще, предпочитаю летать на самолетах. Поезда – для лузеров.

Признаться, эта сентенция меня покоробила: я как раз люблю поезда. Если не за океан, а по нашему материку, я поезд однозначно предпочту самолету. Понимаю, на вкус и цвет фломастеры разные, но по мне поезд романтичнее. В самолете большую часть полета видишь облака, и то если повезет и окажешься

у окна. Не спорю, в облаках есть своя прелесть, но я предпочитаю смотреть на них снизу.

А еще – люблю смотреть на проносящиеся за окном перелески и речушки, на незнакомые маленькие города и заполненные товарняками железнодорожные узлы, на простор полей и вздымающиеся по сторонам от железной дороги стройные ряды деревьев, когда поезд мчится через лес.

– Ну как же, – уперся я. – Это точно были вы. У вас еще цыганчонок клатчик спер.

Она поджала губы. Вы никогда не замечали, что какая-то гримаса порой может напрочь разрушить очарование даже самого прекрасного лица?

– Я не из тех, у кого можно вот так вот запросто вырвать сумочку, – ответила она чуть ли не презрительно. – Вы наверняка путаете меня с кем-то.

– Ни с кем я вас не путаю! – возразил я. – Вы – единственная в своем роде, как я могу вас с кем-то путать?

– …и на дешевую лесть, кстати, я тоже не ведусь, – добавила она, отворачиваясь. – Можете и не пытаться. А сейчас попрошу мне больше не надоедать. Я пришла сюда отдохнуть, а не выслушивать чьи-то влажные фантазии. Милочка, а сделайте мне американо, пожалуйста.

Последнее было адресовано уже не мне. Что мне оставалось делать? Я сделал вид, что изучаю витрину, пока она не отошла со своим американо, а потом просто проводил ее взглядом.

Мечта… вот только эта мечта была отделена от меня стеной холодного презрения и полнейшего непонимания. Каюсь, у меня появлялась мысль сказать ей, кто я, но…

Нет. Почему-то мне кажется это аморальным. С другой стороны, смотреть, как от тебя (второй раз!) ускользает твоя мечта, тоже не самое радостное занятие.

Лайков: 305

Комментариев: 91.

Часть 1

Ветра надежд

Глава 1

Золушка

Если бы я был британским ученым, я, наверно, изучал бы влияние плюшевых игрушек на формирование характера детей. Наверняка ведь оно есть! По крайней мере, в моем случае определенно. Моей первой игрушкой был печальный ослик Иа из диснеевского мультика. А может, и из нашего, ведь Иа – единственный персонаж, абсолютно идентичный в обеих экранизациях.

В возрасте трех лет я понял, что сплю с телезвездой. Естественно, обе версии приключений моего приятеля стали моими личными бестселлерами, а видеокассеты с ними я засмотрел практически до дыр. Но, думаю, влияние ослика на меня началось еще до того.

Кстати, ослов зря считают глупыми. Как для копытных, они вполне умны. За «ослиную глупость» принимают нежелание исполнять команды, которые не нравятся. Вот и посудите сами, глупость это или нет.

Признаюсь честно – у меня много общего с ослом вообще и с Иа в частности. Во-первых, я чертовски упрям. Если я чем-то занимаюсь, вокруг меня можно смело начинать маленькую войну, я вам не помешаю, и вы мне не помешаете. Во-вторых, я слегка тугодум и не сразу понимаю, но когда понимаю – то понимаю лучше других. В-третьих, я практически пессимист, хотя считаю себя реалистом. Тем не менее законы Паркинсона я знаю наизусть, поскольку уверен, что они срабатывают практически всегда. И, наконец, я не особо общителен, больше интроверт, за что регулярно критикуем теми немногочисленными близкими мне

людьми, которые у меня есть. Ах да, и я часто вздыхаю. Но, в отличие от моего персонального маскота, если Сергей Аникеев вздыхает – значит, он признал наличие проблемы и приступает к тому, чтобы эту проблему устранить на практике. А уж если приступил, то наверняка найдется решение и этой проблемы.

Если вы, читая эти строки, нарисовали себе портрет мрачного, неулыбчивого мизантропа-затворника, быстро зарисуйте его до состояния черного квадрата. Я не такой. У меня есть друзья, причем многих из них я знаю с тех дней, когда нашей одеждой были короткие штанишки. У меня никогда не было проблем с женским полом, хоть и донжуаном меня не назовешь. Да и общаюсь я довольно легко. Ну, и, наконец, я создал «Мы».

В тот день на границе августа и сентября я посетил международную выставку «Медиапрорыв» в ВВЦ в Москве. Заходя в павильон, я заметно нервничал. Но вовсе не потому, что был на выставке впервые. Отнюдь, думаю, что молодому человеку, работающему в айти-сфере, посещать подобные выставки сам Бог велел. И даже не потому, что там я запросто мог встретить таких признанных корифеев, как Касперский, Лебедев и даже Цукерберг…

Хотя вот с Дуровым мне бы встречаться не хотелось. К счастью, он на форуме не присутствовал. И я даже догадываюсь почему.

Откровенно говоря, я очень надеялся, что мое появление на выставке пройдет незамеченным. Моя внешность тому способствовала. Вы представляете себе среднестатистического русского юношу? Я его каждый день в зеркале вижу, когда бреюсь. Обыкновенный русский человек, каких у нас в Союзе миллионы. С другой стороны, тот же Марк простой еврейский мальчик из Америки. Но Марк уже примелькался, а я только начинал. И как раз именно поэтому не привык к тому, что к моей скромной персоне может быть проявлено столько внимания, но…

«Меня поймали тут же, в зоосаде» – не успел я пройти сквозь привычно пищащую от каждого посетителя рамку металлодетектора, как на меня набросилась целая банда, вооруженная, к счастью, исключительно изделиями почтенного японца Никона и его завсегдашнего конкурента, блюдущего Канон[3 - Обыгрывается название крупнейших производителей фототехники – Nikon и Canon.]. Однако блеск вспышек меня ненадолго выбил из колеи, потому на внезапные вопросы я не отвечал, а только смотрел на окружавших меня людей

как баран на новые ворота. Говорю же, я тугодоходящий.

Самое забавное, на какой-то миг мне показалось, что среди ощетинившейся объективами толпы я увидел печальное лицо моей Снежной королевы. Но видение исчезло так же быстро, как появилось, и мне осталось только стоять и по-дурацки хлопать глазами, игнорируя сыплющиеся на меня со всех сторон вопросы.

К счастью, как раз в этот момент осаду прорвали, и сделал это именно тот человек, который мне был нужен. Артем Викторович, директор юридического департамента и один из соучредителей девелоперской компании «БИК лимитед», был моим штатным ангелом-хранителем и партнером моего проекта.

– Дамы, господа, ну что же это такое? – сказал он, подходя ко мне. – Для чего, спрашивается, мы арендовали конференц-зал? Для того, чтобы вы кругом-бегом смущали своими вопросами гениального молодого программиста? Если у вас есть что спросить – милости просим на пресс-конференцию, которая состоится через полчаса, зал номер восемь. Мы с радостью удовлетворим ваше любопытство. Скажи, Серега?

Я кивнул.

– Вот, а если кто из вас не успел оформить аккредитацию на это мероприятие, еще не поздно, между прочим. В любом случае, мой компаньон не станет отвечать на ваши вопросы в неподобающей обстановке, comprende-moi?

Журналисты, недовольно ворча, как дворовые собаки, которых от сахарной кости метлой отогнал дюжий дворник, стали расходиться. Не обращая больше на них никакого внимания, Артем Викторович потащил меня за собой. Перед пресс-конференцией нам еще предстояли важные переговоры.

С Артемом Викторовичем я познакомился всего год назад, на такой же выставке. Боже, как много может измениться за несчастный год! Я всю сознательную жизнь мечтал заниматься искусственным интеллектом, но…

Дух бодр, плоть же немощна; не имея в кармане лишней копейки, воплощать в жизнь свою мечту не то чтобы совсем невозможно, но, скажем, тяжело. И все-таки я не падал духом. И на выставку пришел не с пустыми руками. Я разработал

некий программный продукт и хотел его продать тем же Дурову или Цукербергу. Я был уверен, что моя разработка их заинтересует. Но ни того, ни другого я так и не встретил, а встретил Артема Викторовича. Я стоял у контактовского стенда, очень презентабельного и столь же неинформативного, и даже не сразу заметил его появление.

– На одни и те же вещи разные люди смотрят по-разному, – сказал он. – Когда вы видите обнаженную девушку, вы видите нечто сексуально привлекательное, тогда как дерматолог заметит у нее проблемы с кожей, а ортопед – плохую осанку.

Я промолчал, поскольку опасаюсь фриков, каковым тогда мне показался Артем Викторович, и тогда он спросил меня:

– Интересуетесь социальными сетями?

– В наше время ими интересуется каждый второй, – пожал плечами я. – Не считая всех остальных.

Мужчина улыбнулся:

– Не так, как вы. Чутье мне подсказывает, что вы знаете о соцсетях гораздо больше других. Вы смотрите на стенд так, как Нео на Матрицу.

– Нулей и единиц, падающих с потолка, я пока не вижу, – сказал я. – И вы не похожи на агента Смита.

– Ну что вы, – ответил он. – В данном случае я скорее Морфеус. Хочу показать вам, как глубока кроличья нора.

Тут его зрачки сузились, как у человека, глядящего в прицел, и он спросил:

– С чем вы пришли на выставку?

– С товаром, – ответил я, подумав, что он странное, архаичное слово употребил для подобного мероприятия. – Да только покупателей не видно. А у меня нет возможности ни арендовать стенд, ни дать рекламу.

Он кивнул:

– Может, и не придется. Есть свободные полчаса?

Так я познакомился с компанией «БИК лимитед». В переговорной нас было трое: я, мой новый знакомый и его коллега – обладатель седой не по годам шевелюры и странного имени Феофан. Насколько я понял, третий являлся железячником и программистом в одном флаконе; судя по возрасту, он застал еще время Фидо, если не раньше, но при этом был вполне себе копенгаген в новинках программного обеспечения. Да что там – он был настоящий дока. Ему хватило минуты для того, чтобы оценить мою программу. Потом он сказал:

– Это будет революция, Тёма. Век воли не видать.

Артем Викторович кивнул. Потом они вдвоем дружно уставились на меня. Наконец мой новый знакомый сказал:

– Мы – девелоперы; мы инвестируем средства в перспективное программное обеспечение. В вашем случае мы пойдем еще дальше: мы полностью профинансируем весь проект за долю в созданной компании. Регистрацию и все прочее берем на себя. Также оплачиваем все необходимое – аренду серверных мощностей, передающего и канального оборудования, рекламу. За это мы берем сорок девять процентов акций новой компании.

– А что вкладываю я? – спросил я.

Артем Викторович снисходительно улыбнулся.

– Ваше программное обеспечение, – ответил Артем Викторович. – И сопровождение проекта.

Я пожал плечами:

– И в чем подвох?

– Ни в чем, – ответил Артем Викторович. – То, что мы вам предлагаем, называется «сотрудничество».

Я покачал головой:

– Заманчивое, конечно, предложение. Но пока травка подрастет, лошадка с голоду помрет.

И тут заговорил дотоле больше молчавший Феофан. Говорил он тихо, но уверенно:

– Я прекрасно понимаю ваши сомнения, Сергей. Вы один, а мы – компания с юридическим отделом. Вы рискуете. Но мы тоже рискуем, инвестируя в ваш продукт. Если вы скажете нам «нет», скорее всего, до вечера вы уже продадите свою программу. За меньшие деньги, чем она стоит, и намного меньшие, чем те, что она может вам принести. Зато кэшем.

Но еще со времен Винни Пуха известно, что деньги – хитрый предмет, сейчас они есть, а через полчаса нет. И вам придется опять создавать что-то… но вряд ли получится что-то столь же прорывное, хотя тут я могу и ошибаться. Бестол… – Артем Викторович странно посмотрел на своего коллегу, и тот, кашлянув, продолжил: – Голова у вас хорошо работает. Однако у вас есть шанс – не продавать корову на мясо, а доить ее самостоятельно.

– Да я понимаю, – сказал я. – Просто…

– Вам стрёмно? – улыбнулся Феофан. – Сергей, я начинал в девяностых. Вы слышали, как тогда вели бизнес? Про утюги, паяльники и выезды на пленэр в багажнике автомобиля? Вы об этом только слышали. Я все это пережил.

– Это оттого вы такой седой? – неожиданно, прежде всего для самого себя, осмелев, спросил я.

Феофан улыбнулся:

– Да. Но нет. Когда-нибудь я могу рассказать вам эту историю – если, конечно, сработаемся. Так вот, Сергей, в тысяча девятьсот девяносто втором я был таким

же, как вы. И как у вас, у меня за спиной никого не было…

– А я? – удивился Артем Викторович.

– С тобой мы не сразу познакомились, – ответил Феофан. – До этого еще много чего было. В общем, знаю я очень хорошо, что такое «стоять одному среди червивых стен». Потому кидать вас не стану.

Артем Викторович задумчиво кивнул. Я посмотрел в глаза Феофану и…

Меня нельзя назвать доверчивым человеком, но ему я поверил. И не прогадал, как оказалось.

– Эх, – вздохнул я. – А я-то рассчитывал немного денег срубить… Придется опять пахать с ветром в карманах.

– С чего это вы взяли? – подмигнул мне Феофан. – Мы, как никто, понимаем, что художник ни в коем случае не должен быть голодным. Голодного художника кисть не слушает. У вас карта сберовская есть?

– Только «Альфа», – покачал головой я.

– У меня ненужный «Тинькофф» завалялся, – сказал Артем Викторович. – На нем и мелочь какая-то есть, тысяч тридцать, что ли.

Я судорожно сглотнул. Тридцать тысяч по тем временам для меня было целым состоянием!

Если бы мне кто-то сказал, что через полгода я стану долларовым миллионером, я, пожалуй, только нервно рассмеялся бы.

Сергей Аникеев.

29 августа 22:21

Не будет никакой продажи! Вот это номер, товарищи. «БИК» решили, что наши акции и без того высоко котируются, от такого актива избавляться, мол, грех. По их сведениям, аналитики говорят, что они (акции то бишь) еще в самом начале подъема. Говоря попросту, я богатею, «БИК» богатеет, те спекулянты, которые купили наши акции на ИПО[4 - IPO – первоначальное публичное размещение части пакета акций на открытых торгах. В данном случае необходимо было для подтверждения стоимости компании и привлечения банковских кредитов, инвестиций и прочих сделок привлечения средств.], богатеют, в общем, все богатеют и будут еще долго богатеть. Ура.

Откровенно говоря, совершенно не чувствую, чтобы что-то во мне поменялось. Да, теперь у меня нет проблем с деньгами, и езжу я на такси, а не в автобусе, хотя метро пользуюсь, в Москве на метро быстрее получается, чем на такси. А так все по-прежнему. Даже странно становится. Мне всегда казалось, что миллионеры живут как-то совсем по-другому.

С Марком мы все-таки встретились, он дуется, но понимает, что в таких условиях никто ему пакет не продаст. Все-таки он сам бизнесмен, ничего удивительного, just business. Потом была та самая пресс-конференция. Завтра еще одна, не все желающие могли попасть на первую. Тьфу, опять объяснять им одно и то же.

Хотя, с другой стороны, я уже как бы привык. Шпарю как по писаному. Честно говоря, а чего там такого? Все равно «Мы» со всеми ее потрохами, именуемыми know how, существует в моей голове. Я – властелин этой Сети! Я создал ее, и только мне известны все ее секреты. Трепешшыте, жалкие юзеры! (Это была шутка, ха-ха, три раза.)

Я, собственно, и конфу так веду, с шуточками и красивыми образными сравнениями. Мне говорят, что у меня это получается зачотно, а я, если честно, шучу и распинаюсь от робости. Все-таки страшно, когда из зала на тебя пялится сто сорок девять любопытных глаз (с).

Но вот сегодня я едва не сфейлил. Да и кто бы тут не сфейлил? Короче, только я в раж вошел, распинаюсь про особенности шифрования информации, благодаря чему мою соцсеть не взломаешь – даже если сервера физически уничтожить, я матрицу просто в другое место переношу, а она, потому что на вашем устройстве лежит, всю вашу личную инфу восстановит, ну, я уже рассказывал… так вот, вещаю я об этом, во вкус вошел, уже зал взглядом окидываю: как всегда – кто на меня пырится, кто в свой гаджет. И тут, как в песне поется, мое сердце

а-а-астанавилось, мое сердце замерло – в третьем ряду сзади, у самого прохода сидит она.

Мне даже глаза протереть захотелось или ущипнуть себя. К счастью, она как раз на меня не смотрела, что-то в своем самсунге делала. Я чуть не забыл, о чем говорил, но вспомнил и продолжил почти без заминки. В ее сторону старался не смотреть, но легко сказать – не смотреть, нет-нет да и брошу косяк. Заметил, что и она на меня поглядывает, да еще и заинтересованно, как мне показалось, но виду тоже не подает, как и я.

А я еще, как чувствовал, с утра оделся в то же, что и тогда, ну, то есть как обычно – толстовку с медведем, черные джинсы да кроссовки. Помню, когда я первый раз на конфу поперся, оделся как цивил, даже галстук повязал. Ох и прикалывали ж меня биковцы потом этим галстуком! Ну, их правда: удавка мне идет как нудисту манишка.

Так вот, думаю, не узнать она меня не могла. А еще в начале конфы ведущий меня расписал так, типа я почти Джобс и Гейтс в одной фляжке – соединить, но не перемешивать. И знаете, я тогда почувствовал такое мелочное, гаденькое удовольствие – вот, мол, зацени, подруга, кого ты отшила.

Честно, мне за это стыдно. И, должно быть, есть в мире такая штука, как карма. Почему? Потому, что я очень хотел ее после конфы поймать, да не тут-то было – пока мы с Артемом Викторовичем расшаркивались перед какими-то ну о-о-очень полезными дядями из рекламного бизнеса и не только, от моей Снежной королевы остались только воспоминания. Я даже по выставке пробежался, и вид у меня при этом, должно быть, был как у фифы, потерявшей подаренный папиком вертю с бриллиантами. В общем, итог моих поисков оказался примерно такой же. Отсюда вывод – если судьба дает тебе вертю с брюликами, не щелкай клювом. Да и вообще, это, как говорят у нас на Олимпе, контрпродуктивное занятие.

Так что моя Снежная королева переименована в Золушку на лабутенах, теперь официально. Правда, из меня принц как из синтепона пуля. Хотя…

В наше время в цене не белый конь, а белый «Ламборджини». А «Ламборджини» я могу себе позволить. Только прав у меня нет, ну да это дело наживное.

Главное, чтобы Золушка далеко не убежала.

* * *

Циничные люди говорят, что любовь придумали мужчины, чтобы не платить за секс.

Я не люблю циников. Конечно, циничному человеку легче жить. Для него все просто и элементарно, но в жизни это совсем не так.

Например, тот же секс в наше время стал доступнее выпивки. Никаких проблем – можно отправиться вечером на те же Патриаршие пруды и гарантированно найти себе кого-то на ночь. Причем на следующий день даже не помнить имени человека, с которым провел ночь, как правило, потому, что тебе его не называли.

Казалось бы, зачем любить, зачем страдать, пойду поем и лягу спать. Но потребность любить, скорее всего, прошита в человеческом биосе[5 - BIOS – системное программное обеспечение, лежащее в основе работы компьютера. Созвучно с греческим словом «Био», что означает «жизнь».], причем так глубоко, что никакое перепрограммирование не помогает.

В восемнадцать лет все мы влюбляемся, и неоднократно. Как правило, эти «влюбленности» – не более чем физиологическое влечение. Они быстро насыщают и стремительно разочаровывают. После короткого или не очень периода влюбчивости человек, как правило, начинает вообще отрицать романтику как таковую, сводя все к чистой физиологии. В наше время его в этом разочаровании укрепляет вся медиасфера.

Но приходит момент, когда ты – нет, не понимаешь, чувствуешь, что тебе нужен кто-то, чтобы не испытывать болезненного, ноющего, как флюс, одиночества. И когда это чувство фоном поселяется в душе, через какое-то время ты начинаешь, подчас даже сам того не осознавая, искать. Искать кого-то, кто погасит в душе эту тоску. С кем хочется просыпаться по утрам и встречаться на кухне после долгого рабочего дня.

Все мы хотим любви. Не отношений на одну ночь, а именно любви. Не просто сексуального партнера, а человека, который тебя понимает, с кем банально есть о чем поговорить и в особенности есть о чем помолчать. С кем интересно куда-то выбраться и столь же интересно в холодный зимний вечер сидеть, укутавшись в одеяло у телевизора, и пить чай.

Странно… не знаю, как другие, но я никогда не выбирал книгу по обложке. Или ноутбук по цвету корпуса. Но и ноутбук, и книга – только вещи. Почему же в отношениях с людьми зачастую внешность играет первостепенную роль? Почему мы выбираем не тех, с кем нам хорошо, а тех, кто больше привлекателен физически? И я в этом вопросе вовсе не исключение, увы, увы.

Смешно сказать, и прозвучит это наверняка старомодно, но я грезил своей Золушкой с того момента, как потерял ее после пресс-конференции. Я даже попросил Артема Викторовича разузнать о ней. К сожалению, аккредитованные на пресс-конференции журналисты занимали места по принципу «кто успел, тот и сел», что затрудняло поиски моей знакомой незнакомки. Более того, две трети присутствующих относились к прекрасному полу. В конце концов Артем Викторович признал, что поиски не увенчались успехом, и я отправился домой. Представьте себе, я даже оглядывался по дороге. Вечером Артем Викторович переслал мне несколько фото и видео с конференции, но сняли их с такого восхитительного ракурса, что моей Золушки на них не было видно. Лишь на одном снимке, как мне показалось, я различил ее макушку, но не искать же человека по макушке! Я запросил у Артема Викторовича полный список аккредитованных журналистов и лег спать.

Мне приснился странный сон: я во сне подошел к большому старинному зеркалу в тяжелой раме, но вместо моего отражения там была беглянка. Она окинула меня холодным взглядом и развернулась, чтобы уходить. Я в отчаянии крикнул ей вслед:

– Куда ты? Где мне тебя искать?

Она обернулась. Мне показалось, что ее глаза и губы изменили цвет, стали светлее, словно на них упал луч невидимого мне солнца.

– В зеркалах, – сказала она. – Ищи меня в зеркалах.

И отвернулась, но я не отступал:

– Как тебя зовут?

Она, не оборачиваясь, ответила, но я расслышал лишь «… ина».

Проснувшись, я отправился в душ, размышляя о давешнем сне. Я компьютерщик, и человеческое сознание воспринимаю через призму компьютерной архитектуры. Мне кажется, что, когда мы спим, мозг производит некую «дефрагментацию диска», вычищает баги, систематизирует информацию – и мы видим сны. Потому во сне можно увидеть, например, решение задачи, над которой бился весь день. Это не мистика – мы замечаем куда больше, чем осознаем.

…ина. Может, у нее на груди был бейджик, часть которого я увидел? Марина, Карина, Ирина, Дарина или даже Инна… сейчас глянем. Вымывшись и заварив себе кофе, я поспешил к списку вчерашних журналистов – и был разочарован. Девушек с этими именами набралось тридцать человек. Стог сена уменьшился, но оставался стогом. Я решил вечером еще посмотреть список и погуглить фамилии – авось и найду свою Золушку. Пока же меня ждали другие дела: наступил второй день симпозиума, и мне опять предстояло давать интервью.

Я заказал такси и вышел из дому. На площадке, закрывая двери, я подумал – а при чем тут зеркала? Может, слово «зеркало» было в названии ее новостного ресурса, и я тоже прочитал его на бейджике? Или это вообще не имеет значения?

Как же я тогда был далек от истины…

Глава 2

На вернисаже как-то раз…

Откровенно говоря, я, несмотря на всю нелепость этого с точки зрения здравого смысла, надеялся, что моя Снежная королева все-таки посетит мою вторую

конференцию. Смысла в этом, по рассуждению, не имелось никакого – по сути, на этом выступлении я повторял все то, что уже было сказано ранее. Честно говоря, я порядком устал от этих мероприятий. До недавнего времени я, как и большинство моих коллег по цеху, являлся совершенно непубличной особой. Наше время сформировало целую касту экстравертивных интровертов: в Сети мы общительны, легко сходимся с людьми и столь же легко идем на конфликты. В реальной жизни…

А в реальной жизни современные люди бывают редко. Мы ныряем в нее, чтобы добраться из дома в офис или наоборот, погружаемся ненадолго, посещая магазины, какие-то мероприятия вроде концерта любимой группы и места наподобие Митино или Горбушки. Но даже там мы не теряем связь со своим миром, невидимо сосуществующим бок о бок с реальностью.

В наших руках всегда планшет или смартфон, а если позволяет обстановка – мы разворачиваем ноутбук. Наше тело может сидеть за столиком кафе, на лавочке в парке или на скамейке метро, а душа находится в Сети.

В реальном мире мы как пришельцы, как исследовательская экспедиция. Мы можем улавливать его красоты, замечать то, что достойно внимания, запечатлевать это – но лишь для того, чтобы унести с собой в свой мир, выложив в бложик и получив за это кучу лайков от таких же, как мы.

В большом мире нам часто не хватает кислорода. Люди испытывают что-то вроде агорафобии, но не потому, что боятся открытых пространств. Просто подсознательно мы чувствуем себя дискомфортно вне привычной для нас реальной виртуальности и спешим вновь окунуться в нее.

Тем более странно, что я начал замечать у себя пробуждающийся интерес к этому миру. Перед конференцией я вышел попарить… да, я вейпер, можете смело меня презирать! Зато я не травлюсь сам и не причиняю вреда окружающим. Так вот я вышел из павильона на улицу, стал сбоку от дверей, чтобы не мешать проходу, завел примус и, выпустив дым к еще светлому, но уже смутно-закатному небу, внезапно залюбовался аллейкой, ведущей от павильона к выходу.

Меня поразило увиденное; я и забыл, как может быть прекрасна золотая патина солнечного света в листве. Каким ласковым бывает ветерок, еще летний, но уже

немного пахнущий осенью. Это был вечер позднего лета, но казалось, что утро и лето только начинается. Словно впереди еще так много хорошего. Словно впереди вся жизнь.

Как обманчивы порой бывают чувства! Если верить книгам, человек всегда что-то ощущает перед тем, как случается какое-то потрясение в его жизни. Мне предстояла целая череда таких потрясений, но в тот вечер меня не обуревали никакие мрачные тени, даже наоборот. Я чувствовал себя как именинник накануне дня рождения.

Сейчас мне все это кажется не просто странным, а дивно несправедливым. Но увы – на путях судеб не встречаются ни регулировщики, ни светофоры, ни дорожные знаки.

* * *

На довольно поздней конференции моей беглянки, само собой, не было. Несмотря на это, я то и дело внимательно осматривал зал – а вдруг подойдет? Не подошла. Попрощавшись с Артемом Викторовичем, я неспешно отправился к выходу. Странно, но я чувствовал себя каким-то вымотанным, словно вагоны разгружал, а не сидел в удобном кресле, рассуждая на интересные мне темы.

Перед самым выходом, как раз там, где не так давно на меня налетали журналисты, на меня… налетели журналисты. Какая-то экзальтированная молодящаяся дамочка, очередная жертва солярия и визажиста, стала буквально виться вокруг меня, задавая какие-то нелепые вопросы.

Как я уже сказал, я чувствовал странную усталость. У меня даже болела голова, вернее, не то чтобы болела – скажем, обещала разболеться в ближайшее время. В висках давило. К тому же у дамы был весьма агрессивный парфюм, а у меня слишком чувствительный нос. А может, дело и не в носе как таковом. Я просто не люблю экспрессивных, навязчивых людей. А в этой особе меня раздражало все – и явно искусственный загар оттенка пережаренной куры-гриль, и вышеупомянутый парфюм, и яркая помада, и нарисованные брови.

Знаете, в возрасте как таковом нет ничего плохого, раздражает несоответствие. Школьницы, искусственно добавляющие себе лет кричащим макияжем, и

бальзаковские женщины, строящие из себя нимфеток, в равной степени неприятны. Тем не менее таких особей много, слишком много. Меня удивляет: неужели это действительно кому-то нравится, даже им самим? Ладно еще девочка-вчера-из-за-парты, но взрослая дама…

Но больше бесило даже не это, а вопросы. Совершенно неуместные, на мой взгляд. На такие выставки люди ходят зачем? Для того чтобы профессионально развиваться. Но на эту тему вообще не прозвучало ни одного вопроса. Зато назойливая дива расспрашивала меня: где я живу, где бывал за границей (а нигде, кроме Болгарии, я пока не бывал; не случилась, как выражались в старину, оказия; желание было, конечно, но одному ехать в другую страну, по-моему, скучно, а в Интернете я и дома могу посидеть…), какая у меня машина (опять-таки, никакой пока не обзавелся) и так далее.

– Я вижу, в одежде вы отдаете предпочтение простому, демократичному стилю, как Стивен Джобс, – щебетала, если это можно так назвать, назойливая барышня. – Вероятно, именно он вас вдохновляет…

– На что? – спросил я, остановившись. Нет, определенно в моем характере много ослиного – я уткнулся в закрытую дверь и думал, как же эту дверь обойти.

– Как это «на что»? – удивилась она. – На создание ваших мегапроектов.

Я хотел было сказать ей, что на создание мегапроектов меня раньше вдохновляло голодное урчание собственного желудка, но не успел, потому что внезапно случилось нечто неожиданное и очень необычное.

Сергей Аникеев.

30 августа 23:15

Я должен, я просто обязан сохранить это для потомков!

Короче, сегодня после конфы на меня набросилась дамочка из журнала «Предприимчивый эгоистъ». Я уж расслабился, думал зарулить в мак, заточить пару бургеров с колой – так-то я фастфудом не увлекаюсь, но после этой

двухдневки у меня появились такие безумные желания.

Блин, ну вот, спрашивается, зачем я два дня распинался перед публикой? Трудно было, что ли, как нормальные люди, взять аккредитацию и выспросить у меня все, что душе угодно, вплоть до размеров ключа от храма Соломона? Между прочим, темы вопросов на конфе никто не ограничивал. Да, видать, для предприимчивых эгоистов закон не писан, если писан, то не читан, если читан, то не понят, если понят, то не так, если так, то либо не предприимчивый, либо не эгоист.

Я, признаться, натурально очешуел. Ну не готов я к такому вниманию прессы! Я вообще в этом смысла не вижу, особенно во всей этой тошнотворной глянцевой мишуре. Но мамзель вцепилась в меня, как клещ в загривок, и черти его знают, чем бы все закончилось, если бы вдруг на горизонте, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты, не возникла моя Снежная королева.

И моментально кинулась в бой.

– Ух ты, кого я вижу. – Этот голос я узнал бы даже будучи пьяным и при смерти; откуда появилась моя Снежная королева – бог весть, но, кстати, фраза предназначалась не мне, а возникшей у меня на пути помехе в лице назойливой дамочки и ее ассистента. – Ксюшенька, опять опоздала на прессуху, болезная?

– Да что мне там делать? – ответила Ксюшенька. – Сидеть и слушать эту нудню про какие-то протоколы, типа в ментуру замели?

– Ну да, ну да, с ментурой ты у нас знакома не понаслышке, – съязвила Снежная королева.

– Это потому, Логинова, что я – журналист, в отличие от тебя, – парировала Ксюшенька.

Нет, все-таки не подвела меня моментальная память: среди получивших аккредитацию на конференцию присутствовала Карина Логинова, так что теперь я знал имя моей Снежной королевы.

– Эх, сказала бы я, какая из тебя журналистка, – по-кошачьи фыркнула Снежная королева. – А тебе, кстати, не вредно бы было послушать про соцсети, глядишь – и не разлетались бы твои голые фоточки по всему рунету.

– Много ты понимаешь в рекламных ходах! – ответила Ксюшенька.

– М-да, если кроме голой ж… хм, если кроме обнаженной натуры тебе нечем привлечь зрителя, сочувствую. – Металлические нотки в голосе Карины звучали сильней, чем тогда, когда мы с ней общались первый раз. – К тому же натура твоя того…

– Так, Логинова, ты не зарывайся! – Видно было, что слова Карины зацепили Ксюшеньку. – Выискалась тут, журналиська с интернет-портала «Тринадцать». Милая, тринадцать – это число ваших подписчиков, включая редколлегию!

– Ксюшенька, лучше уж быть топовым автором в чертовой дюжине, чем считаться акулой пера за умение вовремя сложить губки сердечком, – продолжала Карина с оттенком усталой иронии в голосе.

Ее сентенция Ксюшеньку явно задела.

– Ну, Логинова, теперь тебе… – И Ксюшенька, окончательно перейдя с русского на матерный, принялась объяснять моей Карине, что, если она надеется на то, чтобы устроиться куда-нибудь в серьезное издание, пусть бросит это бессмысленное занятие. Уж она-то постарается…

– Постараешься, конечно, – продолжала ёрничать Снежная королева. – Уж ты-то постараешься, по самые гланды, так сказать.

– Вот что, Ксения, – начал было я, чтобы прекратить конфликт. Я честно полагал, что Ксюша – это сокращение от имени Ксения. Оказывается, я ошибся. Ну что же, век живи – век учись.

– Я – Оксана! – возопила журналистка.

И тогда я сказал ей максимально холодным тоном:

– Ксения, простите, не знаю вашего отчества. Кажется, вы хотели взять у меня интервью? Так вот, отвечу на один не заданный вами, но важный для меня вопрос: в людях меня больше всего раздражает плебейство. Наглое хамство, агрессивность и горлопанистость, не говоря о нетактичности. И все эти качества, достойные базарной марамойки, вы сполна успели мне продемонстрировать. И еще. Для образованного человека гламурное издание вроде вашего мало чем отличается от бульварной газетенки. По сути, вы – усовершенствованная модель завалинки для сплетен. Вы прививаете людям вообще и в частности женщинам очень плохой вкус. Кроме того, как я убедился, ваш журналистский уровень соответствует уровню вашего издания – он никакой, ниже плинтуса. Интервью у меня, например, вы взять не сумели. Какая вы после этого журналистка?

…Как известно, хвост нужен павлину для того, чтобы нарезать понты перед самочками. По той же причине в брачный период многие животные приобретают яркую, небезопасную и демаскирующую окраску. Мужчине так же свойственно завоевывать женщину, как павлину – крутить хвостом перед павлинихой, а соловью выводить трели, и тоже ведь ради привлечения фертильных соловушек. Люди, конечно, не животные, но в некотором отношении ведут себя совершенно похоже.

Присутствие Карины вдохновляло меня. Я чувствовал себя эдаким Джеймсом Бондом, только вместо золотого пистолета у меня значился на вооружении интеллект. Пожалуй, интеллект – это мое самое главное богатство. По крайней мере, в ту минуту я в своем интеллектуальном превосходстве был уверен. Впрочем, интеллектуально превосходить Ксюшеньку получалось так же легко, как побеждать в армрестлинге младенца.

Ксюша-Оксана побледнела, поджала нижнюю губу…

– Ишь ты, какой важный! – заявила она. – Тоже мне, мулионер нашелся, нищеброд в драном свитере! Глянь на себя, быдло, ни кожи, ни рожи, ни одежи! Быстро хапнул – живо растеряешь!

По понятным причинам полностью спич Ксюшеньки я привести здесь не могу. Меня приличные люди, надеюсь, читают.

И тогда я забил последний гвоздь в ее гроб.

– И вот еще что, уважаемая, – сказал я. – Если у вас появится искушение имитировать мое интервью, можете смело ждать повестку в суд. Я прекрасно знаю, чего можно ожидать от таких, как вы, потому предупреждаю сразу – для вашего же блага.

Услышав подобное, Ксюша поспешила ретироваться, а я обернулся к своей Карине. Ее восхищенный взгляд вознаградил меня за все нервотрепки прошедших суток. Честно сказать, я готов был хоть каждый день участвовать в этих выматывающих конференциях ради подобного взгляда.

* * *

– Спасибо за ваше своевременное вмешательство, – поблагодарил я Карину.

– Ну что вы, не за что, – ответила она, смущаясь. – Не люблю таких, как Ксюша. Из-за них всю прессу воспринимают как агрессивных и невоспитанных людей. А всему виной – горстка вот таких вот недобросовестных журналистов!

Я покивал и спросил:

– Не желаете ли посидеть где-нибудь, выпить чашечку кофе?

Она тяжело вздохнула и отрицательно покачала головой:

– Желаю… но не могу. Время позднее уже.

Мое сердце… замерло. Мне пришла страшная мысль – а вдруг у нее есть кто-то? Вообще, и как я раньше не подумал! У столь красивой девочки просто не может не быть молодого человека. Вот проклятье.

– Я снимаю комнату, – продолжала тем временем Карина, – и моя хозяйка категорически против того, чтобы я приходила поздно. К сожалению, снять квартиру мне с моими доходами не по карману, вот и приходится… хорошо, в остальном моя квартирная хозяйка добрая и понимающая, во всем, кроме поздних гулянок. Сама она спать сразу после программы «Время» ложится.

Я откровенно расстроился и даже не сумел этого скрыть:

– Очень жаль… не каждый день встречаешь девушку такую красивую – и столь отважную одновременно.

Похоже, я ее совсем засмущал. Она отвернулась и стала рыться в сумочке:

– Представьте себе, я расстроена этим не меньше вашего. Я-то всего лишь журналистка…

– Сногсшибательно красивая, – заметил я вскользь.

Она отмахнулась:

– Скажете еще. А вот вы – человек известный. Буквально наш, российский Джобс.

– Да какой из меня Джобс, мне б до Цукерберга дотянуться. – Теперь пришла моя очередь отмахиваться.

Тем временем Карина достала из сумочки квадратный кусочек картона, оказавшийся ее визиткой, и протянула мне:

– Вот что, если вам действительно захочется со мной встретиться, позвоните. Я буду рада вас услышать.

Стараясь не выдать своего воодушевления, я взял ее визитку, удивившись, мимоходом, отсутствию на ней привычного мне QR. Странно, никогда не любил тяжелые, пряные запахи, но от этого кусочка картона пахло чем-то таким, восточным, даже чуть горьковатым, как полынный мед. И этот запах мне нравился.

– Обязательно позвоню, – заверил ее я. – Вы еще сомневаетесь?

– Вы про меня завтра и думать забудете, – улыбнулась она. – Может, хоть визитка напомнит.

Знала бы она, что я думаю о ней последние несколько дней подряд! Но об этом я решил ей не говорить. Я ведь тоже не вчера родился и знаю, зачем павлину нужен хвост. Загадочность и скрытность привлекают нас не меньше, чем любой другой афродизиак.

* * *

Сергей Аникеев.

31 августа 00:45

Мне не спится и тянет пофилософствовать.

Думайте что хотите, но в том, что в старые времена именовалось «ухаживанием», а ныне, в соответствии с модой, переименовано английским словом «флирт», есть нечто от бойцовского поединка. И от карточной игры, но не простой, а с «интересом». Казалось бы, любовь – такое мирное чувство, но вокруг него постоянно разворачиваются военные конфликты. Я сейчас не о Троянской войне;)

Не зря говорят: я ее завоевал, я его завоевала. Но если завоевал – значит, был бой, а против кого? Почему добиться любви можно только так, путем сражений, тактических ходов и стремительных операций?

Возвращаясь к павлинам, хвост, распушаемый при ухаживаниях, потом сворачивается в трубочку до лучших времен. Вы замечали, сколько влюбленные врут друг другу? И вроде бы врут из лучших побуждений, а потом эта ложь всплывает на поверхность, отравляя жизнь им и окружающим.

[IMG: картинка-мем «Не надо так»]

Но если мы всегда будем говорить о себе правду, не останемся ли мы навсегда одинокими?

Вы можете сказать, что мне-то точно не о чем беспокоиться. Что такие, как я, попадают в категорию «завидный жених» безо всякого вранья. Но загвоздка в том, что я не всегда был «завидным», еще не так давно я считался самым

обычным, проще только простой карандаш. Таких, как я, тысячи. Что же изменилось? Неужели вся завидность имеет только денежное исчисление?

Честно говоря, меня это пугает. Сейчас, когда я лежу в кровати с ноутом, я вспоминаю первую встречу со Снежной королевой… с Кариной.

Она смотрела на меня так, словно я пустое место. Словно назойливое насекомое, от которого не терпится избавиться. И как переменился ее взгляд в нашу крайнюю встречу! Взгляд порой может сказать намного больше, чем слова. Она смотрела на меня, как кошка на сметану.

Что же изменилось? Неужели только то, что она узнала, кто я? Вернее, сколько у меня денег, поскольку вряд ли ее впечатляет тот титанический объем работы, что я проделал, чтобы создать «Мы».

Тогда что такое я? Приложение к своему банковскому счету? Я интересен только потому, что меня можно раскрутить на бабло, или все-таки нет?

Сейчас мне уже начинает казаться смешным мое позерство с этой Ксюшей. Надо было просто послать ее коротко и по делу. Вместо этого – распушил хвост, павлин, сразу видно, неопытный в общении человек. Осел, одним словом.

Но вот что я вам скажу: если вы думаете, что после всего сказанного я сдам назад – перечитайте мою предыдущую фразу! Можете считать меня ослом, но я должен понять ее, понять, что же движет ею, есть ли у нее какой-то иной интерес, кроме меркантильного, а может, я вообще ошибаюсь в ее отношении.

Меня смущают в ней некоторые моменты. Она ведет себя совсем не так, как ведут себя алчные охотницы на папиков. Определенно не так. Хотя и тут я могу заблуждаться. Сам я перешел в категорию папиков без году неделя, и то формально, а фактически – я все тот же Серёга Аникеев, перекати-поле, айтишник-фрилансер, которому повезло.

А потому опыта общения с акулами у меня пока нет, не приобрел. Но я сторонник набивания шишек самостоятельно. Не лучший, конечно, подход, но когда на грабли наступаешь, подготовившись, хоть какой-то шанс увернуться еще есть.

А главное – не наступать на одни и те же грабли дважды. Но, повторяю, я не успокоюсь дотоле, пока не разгадаю тайну Снежной королевы. В конце концов, не укусит же она меня, правильно?

Мне много не надо, наверно, как и всем. Как в песне поется, все мы хотим любви, чистой, большой любви. А когда тебя по-настоящему любят, надо быть последним шакалом, чтобы не сделать все возможное для того, кто любит тебя.

Сергей Аникеев.

31 августа 02:04

ЗЫ, я вот о чем подумал. Мы все ищем свою любовь, но мечтаем обрести того, кто нас полюбит. Как будто это одно и то же. Так, может, проблема в том, что мы ищем совсем не то, что нам нужно? Некорректно поставленная задача ведет к фатальной ошибке, вот только написанную нами самими программу отладить на порядок сложнее. Равно как и остановить.

Ой, как-то меня и правда в какие-то философские дебри повело. Надо спать. Недаром говорят: утро вечера мудренее. Сам замечал, что по ночам часто депрессуха накатывает, а утром проснешься, и все вроде ничотак.

Посчитать, что ли, овечек?: D

Глава 3

Евангелие от Матфея

Что значит быть программистом?

Это когда ты делаешь что-то такое эпическое, что голова идет кругом от собственной крутизны, а для всех окружающих ты просто сгорбленная фигурка перед монитором.

Можно, конечно, позаламывать руки, причитая: ах, как нас не ценят! Но зачем? Когда человек делает свое дело, и делает его хорошо, оценка окружающих для него имеет весьма второстепенное значение. Не скрою, мне приятно, когда меня сравнивают с Джобсом или Цукербергом. Приятно читать статьи о себе, особенно если статьи написаны грамотно. Но работаю я вовсе не для этого, не это приносит мне наибольшее удовлетворение.

Вы спросите – а что тогда? Пожалуй, мой ответ вас удивит. У меня есть собственный интерфейс для контроля «Мы». Выглядит он непрезентабельно – куча таблиц, графиков и диаграмм плюс командная строка. Но когда я разворачиваю его на экране и вижу движение этих графиков, изменения цифр, я чувствую себя счастливым. Цифры – это обращения пользователей, их посты, комментарии, лайки, загрузки. Диаграммы – это статистика всего этого, распределение потоков, нагрузка. Неискушенный не поймет красоты, отражаемой этой невзрачной инфографикой; я же вижу, как огромное количество обращений занимает ограниченные ресурсы, без задержек и потерь, как колоссальные массивы информации – фото, видео в том числе – за доли секунд обрабатываются системой.

Эти доли секунд, отображающиеся у меня на экране, для вас, конечных потребителей, не видны. Но вы знаете, что в моей системе вы не будете ждать, пока что-то подгрузится, и не начнете ругаться оттого, что что-то потерялось по дороге; в моей системе вы не подхватите вирус или шпионскую программу, у вас не уведут личные данные и не взломают вашу переписку.

Объективно говоря, «Мы» – лучшая в мире соцсеть. Это знаю я, это уже знают и другие специалисты, но пока об этом не говорят во всеуслышанье – такие правила игры.

* * *

Последний день лета выдался теплым и солнечным. Проснулся я довольно поздно, потому что поздно лег. С тех пор как сеть «Мы» стала активно продвигаться за океаном, нагрузка на серверах стала более-менее равномерная в любое время суток… но поздно. За то время, пока моя сеточка ходила в коротких штанишках, я привык не спать по ночам и ложиться под утро, чтобы проснуться где-то после обеда. Как ни странно, нагрузка минимальна как раз в утренние часы, с шести и где-то до обеденного перерыва – конечно, пока ты

работаешь только с Россией.

Во всяком случае, если вдруг происходит что-то неожиданное, например ДДоС-атака (иногда такое случается, хотя я ни с кем не конфликтую; наверно, мою сетку дидосят из принципа, ну, или чтобы мне жизнь малиной не казалась), у меня срабатывает тревожная кнопка и начинает звонить телефон.

Вот, собственно, в последний день лета я и проснулся как раз от звонка. К счастью, это не было связано с какими-то проблемами в Сети, да и время уже близилось к обеденному перерыву, в который служащие многочисленных офисов, до обеда прилежно имитирующие невероятную занятость, расслабляются и выходят в Интернет по личным делам. Правда, как я уже сказал, последнее время нагрузка на сеть стала более-менее равномерной, ведь у «Мы» есть свои почитатели даже в Токио, Шанхае и Рангуне. Плюс к тому я нанял небольшую когорту операторов, тоже фрилансеров, так что сеть теперь была под надзором круглосуточно… что вовсе не означало, что я могу поехать куда-нибудь в Майями, чтобы там махать руками: – любая система без присмотра создателя довольно быстро сползает в хаос, вполне в соответствии со вторым законом термодинамики.

Одним глазом пробежав по графикам активности на моем компьютере и на автомате проконтролировав, на месте ли мои операторы, я залез в карман джинсов и извлек оттуда телефон. Пользуюсь я, кстати, «Самсунгом-семеркой», несмотря на его «пожароопасность» – во-первых, телефон надо покупать в авторизированных точках, а не в ларьке торгового центра; во-вторых, айфоны тоже горят, особенно склепанные в трущобах какого-то Сянгана, а в-третьих, терпеть не могу продукцию огрызка, да простит меня покойный Джобс, с которым меня постоянно сравнивают, уж не знаю почему.

Номер мне был не знаком, и я, почувствовав странное движение в области между соском и ключицей, поспешил свериться со вчерашней визиткой, благо она лежала у меня под рукой и даже пахла по-прежнему, ее духами (хоть и слабее, чем вчера).

Увы, номер принадлежал не ей. Черт, ну и кто это? Я снял трубку и сказал хриплым ото сна голосом:

– Ну аллё.

– Спал, что ли? – раздался жизнерадостный голос Матвея, в миру Сашки Матвеева, моего кореша. Друзей у меня немного. В школе я ни с кем особо не сходился, считался зубрилой и заучкой, а таких не любят; так что первые друзья у меня появились только в армии, куда я ушел, когда первый раз провалил экзамен в институт. Отслужил в ПВО, о чем ничуть не жалею: после дембеля без всякого труда поступил и учился тоже без напряжения.

Может, армия раскрыла мою коммуникабельность, может, в институте просто подобрались люди, более подходящие мне по характеру, трудно сказать, но с большинством одногруппников я общаюсь до сих пор. Соармейцев же разбросало по стране, и на связь они выходили спорадически; одним из немногих, кто вырисовывался у меня на горизонте с завидной регулярностью, был как раз Матвей.

Кстати, он единственный, кто ни на йоту не изменил свое отношение ко мне после того, как «Мы» начала свое триумфальное шествие. Поздравил только и пожелал семь футов под килем.

Остальные же… одни практически моментально поспешили у меня одолжиться – и немедленно растворились в неведомых восвоясях. Другие пытаются использовать меня как походный кошелек, постоянно вытягивая на какие-то не интересные мне мероприятия, от которых я открещиваюсь, ссылаясь на занятость; третьи вообще заявили, что знать меня не желают, внятно не объяснив мне причин подобного решения. Мне почему-то кажется, что здесь замешана банальная зависть, и дай бог, чтобы я ошибался в их адрес.

– Угу, спал, – ответил я, свободной рукой протирая глаза. – Я ж по ночам работаю.

– Сторожем устроился? – уточнил Матвей. – Или, не дай ктулху, ублажаешь после театра пожилых дам?

– Да пошел ты, – ответил я, добавив, конечно, конкретный адрес. – Народ по сетям по ночам шарится в основном, я ж говорил уже.

– Ага, говорил, – подтвердил Матвей. – Ты, это, приводи, себя в порядок, ежели у тебя других планов нет, можем часа через два пересечься, посидеть где-нибудь, пивка холодного попить.

– Нет у меня никаких планов, – ответил я. – А по поводу встретиться, что-то случилось или просто соскучился?

– Не дождутся они, чтобы у меня что-то случилось, – сказал Матвей. – Так, увидеться захотелось, да и время есть.

– Лады, – ответил я. – Встречаемся где?

– Да где обычно, на набережке, – предложил Матвей. – Посидим, потом пройдемся вдоль реки, потом опять посидим. Шашлычка поедим…

– Лады, – подтвердил я и дал отбой.

* * *

В августе солнце светит и греет совершенно не так, как в мае, но и не так, как, скажем, в сентябре. Свет весеннего солнца мягкий, бархатный; августовское солнце более яркое, блестящее, его свет резок. С наступлением осени он тускнеет.

Я шел по улице, глядя по сторонам и удивляясь тому, как много я раньше не замечал. Действительно, мы живем, по макушку погрузившись в дела, и у нас никогда не бывает достаточно свободного времени, чтобы просто полюбоваться миром, в котором мы живем. Хотя он, право слово, достоин того, чтобы им любовались.

Как все-таки хорошо никуда не спешить! А ведь мы почти утратили эту способность, мы спешим даже тогда, когда не надо. Мы живем суматошно и взбалмошно даже тогда, когда этого не требуется. Живем, словно убегаем, но от кого? От себя, что ли? А ведь так приятно никуда не спешить, не идти, словно торпеда к цели, а просто плыть по течению. Куда-то все равно отнесет. И может быть, в этом куда-то будет лучше, чем в нигде, в привычной, но совершенно некомфортной суете.

Я шел и думал о Карине, постепенно привыкая к ее имени. Странно, никогда не думал, что буду встречаться с девушкой по имени Карина. Как-то необычно… ну

да ладно. Красивое имя, и даже очень ей идет. Стоп.

Я поймал себя на мысли, что смотрю на Карину как на свою девушку, хотя еще не факт, что у нас что-то получится. От моих ночных мыслей и следа не осталось: теперь я уже не думал, что стал Карине интересен только из-за своего социального статуса. В конце концов, симпатию к человеку имитировать невозможно, вот и посмотрим, буду ли я ей симпатичен или нет. Но, убей меня, Карина не производила впечатление меркантильной стервы от слова совсем никак. Уж чего-чего, а этого добра вокруг хватает с лишком, и даже я не избежал знакомства с этой категорией женского пола. Нет, определенно нет.

– Чет ты, брат, задумчивый, – прервал мои мысли голос Матвея. – Идешь, по сторонам пыришься, старых друзей не замечаешь.

Я схватил Матвея в охапку и обнял, похлопав по спине:

– Привет, братюня, как сам-то?

– Ничего, бодрячком. – Он тоже похлопал меня по спине. – Жив, здоров, сыт и доволен. А как жизнь у Билла Гейтса местного разлива?

Я скривился:

– И ты туда же… ну какой из меня Билл Гейтс?

– Не прибедняйся, брат, – улыбался Матвей. – Я тоже новости читаю. О твоей «Мы» много говорят, да еще таким тоном, типа: «Утерли мы нос этим заокеанским зазнайкам».

Он еще раз хлопнул меня по плечу:

– Идем уже, нас ждут шашлыки.

И мы пошли по давным-давно знакомой дорожке. Матвей жил в Мытищах, но Москву знал хорошо и после дембеля нашел меня потому, что, как он заявил, «на гражданке скучно». Сам он, дембельнувшись, устроился экспедитором и – видать, родился в штанах и рубашке – приподнялся, и теперь владел небольшим

бизнесом по автозапчастям.

Мы говорили о его работе. Матвей посетовал на санкции, но тут же отмахнулся от этой проблемы, заявив, что теперь гоняет за запчастями в Китай и выходит даже дешевле. В общем, жить можно, только некоторые особо въедливые клиенты нервы треплют.

Я, в свою очередь, рассказал ему о «Мы». В принципе, он находился в курсе дел; пожалуй, Матвей единственный верил в эту затею с самого начала… ну, то есть как верил? Он единственный сказал мне, когда я озвучил эту идею: работай, брат, если долго мучиться, что-нибудь получится, кто ищет, тот всегда найдет, если шею не свернет. И подбадривал меня, когда у меня опускались руки: дескать, прорвемся, брат! Не в такие передряги попадали.

Скажем так, я с ним ни в какие передряги не попадал, один раз, правда, месяц спал на кухне доставшейся мне от родителей однушки, потому что в комнате от пола до потолка наставлен был матвеевский товар. Но сам он, конечно, тертый калач и видал разного. Он никогда не показывал, что у него проблемы, но со временем я сам начал чувствовать, когда ему туго, и стремился приободрить.

– Ну, я рад, что в этот раз у тебя все на мази, – сказал он, по-дружески хлопнул меня по плечу. К этому моменту мы взяли по паре шашлыков, литр «Рыжей сони» для Матвея и литр безалкогольной «Балтики» для меня – этого нам должно было хватить на весь вечер. – А я тебе говорил, что все получится?

– Говорил, – признал я. Матвей был старше меня всего-то на полгода, но всегда казался мне намного более опытным и уверенным в себе, чем я сам. – А я никак не мог поверить.

– Знаешь, – сказал Матвей, – все говорят: надо верить в себя. А по-моему, верить в себя – это очень странно. Верить надо в то, что ты делаешь, в то, что у тебя это получится. Вот ты, когда свою прогу писал, ты ж верил, что она заработает, правильно?

Я кивнул, снимая со шпажки кусок мяса зубами. Матвей продолжил:

– Ну вот. Главное, надо делать то, что должен, а когда все делаешь как следует, всегда получается так, как надо. – Он хохотнул. – У меня вот клиент есть, из

автосервиса, узбек натурализованный, так он говорит, что я, наверно, колдун. Когда у меня деталь покупаешь – все работает, ничего не ломается. Возьмешь у другого, поставишь кому-нибудь – через пару месяцев он к тебе вернется. Да еще и ругать будет. А все почему? А все потому, что им по барабану, что брать, а я сам каждую единицу руками прощупаю. Нет, конечно, метизы там или шайбы я так не принимаю, но вот все остальное да. И фуфло у меня не пройдет.

Он вздохнул и внезапно поменял тему:

– А на личном фронте у тебя как?

Я пожал плечами, раздумывая, говорить ему о Карине или пока не надо. Матвей мое «молчание ягнят» расценил по-своему и возмутился:

– Это непорядок, братушка! Ладно, пока ты свой шедевр ваял, это одно. Тут я понимаю: человек в работе по ушки, ему не до дам-с. Сам, как из армии вернулся, пока не настроил бизнес, ни о чем, кроме похода в клуб раз в неделю с последующим перепихоном с какой-то случайной чувой, и не думал. Однако сейчас бизнес пошел и идет как часы, а у меня Дашок, и я таки чувствую, что она меня затащит скоро в это заведение из четырех букв…

Я скептически приподнял бровь: Матвея я знал как облупленного, и если он заговорил о чем-то как о возможном, то, значит, дело уже наполовину готово. Да и сам он раньше в порыве откровенности признался мне в чем-то подобном: «Я, Серый, как наше государство, которое сначала ставит ракеты по шахтам, а потом рассказывает, что начинает их разрабатывать». Как у нашего государства обстоят дела с ракетами, я не знал, а в том, что Матвей сначала делает, потом говорит, убеждался неоднократно.

Не ошибся и в этот раз.

– Ой, ну хорошо, – потупился Матвей. – Мы уже подали заявление, но в районном загсе, его маман, такая очередь, что нам назначили аж на после Покровы.

– Покрова – это когда? – Честно, я не помнил, у меня вообще с датами слабовато.

– Четырнадцатого октября, хрюшка, – фыркнул Матвей. – Знать такие вещи надо, на Руси живучи. Пойдешь свидетелем? – неожиданно предложил он.

– Спрашиваешь! – ответил я. – Да я с тобой в разведку за линию фронта пойду, не то что свидетелем.

– Как и я, как и я, – ответил Матвей задумчиво.

И мне в голову пришла идея, точнее, пришла она много раньше, я лишь решился ее озвучить:

– Слыш, братюнь, может, тебе по этому поводу баблом подсобить? У меня ж его как грязи, сам понимаешь…

Матвей насупился:

– Ты мне это брось, Серый. Я ж не кривой, раз женюсь, значит, могу устроить своей избраннице… хотя кто кого избрал, это еще вопрос, Дашка у меня огонь, да и рыжая… так вот, могу устроить своей избраннице сладкую жизнь без привкуса сахарина. Просто ты мне, Серый, самый близкий друг, так что засунь себе свое бабло… в ценные бумаги. И живи на проценты.

– Жить на проценты от доходов нереально, – ответил я. – Будь ты хоть Рокфеллер, сидя на тухесе, богатым не станешь, тут крутиться надо.

– Ну, фигурально выражаясь, ты поднялся как раз сидя на тухесе, – хохотнул Матвей. – Но в целом ты, конечно, прав, за что и выпьем.

* * *

Я решил, что счастливо избежал дальнейших расспросов о моей личной жизни, да не тут-то было.

– Ты, конечно, ловко с темы соскочил, – заявил Матвей, когда мы выпили, – но меня, брат, не проведешь…

– Я с темы соскочил? – удивился я. – Братуха, это тебе, кажется, не терпелось мне поведать о своих матримониальных победах!

– Не без этого, – признался Матвей. – И все-таки объясни мне, чего ты до сих пор один, как телеграфный столб в курганской степи? Из принципа, что ли?

– Какой там принцип! – отмахнулся я. – Просто случая не было, вот и все.

– Случая у него не было, – буркнул Матвей. – Я, брат, чего к тебе пристал, как клещ? Я за тебя переживаю.

– А чего за меня переживать? – удивился я. – У меня все чики-пики, кажись.

– Ага, – подтвердил Матвей. – Именно поэтому. Видишь ли, братюня, ты у нас стал известным. Не в Сети, там ты значился и до того важной шишкой, без базара, но Сеть – это одно, а жизнь – совсем другое. Теперь твоя ряшка засветилась в телике, газеточки с журнальчиками твоими фото обложки украшают…

– Есть такое, – подтвердил я. Несколько раз ко мне обращались с тем, чтобы сделать сессию для журнала и дать небольшое (и, как по мне, совершенно бестолковое) интервью. Я даже закорефанился кое с кем из пишущей братии, хотя с большинством из них общение шло туго. Да вот хоть бы недавно с этой Ксюшенькой…

Вспомнив о Ксюшеньке, я вспомнил о Карине. И это не укрылось от внимательного взгляда Александра «Мы могли бы служить в разведке» Матвеева:

– Чет ты, брат, в лице изменился, как будто за моей спиной на березке вместо листьев выросли пятитысячные, – отметил он. – Колись уже, что такое.

– А я тебе говорил: заведи аккаунт в «Мы», – с поддевкой сказал я. – Был бы моим фоловером, все бы уже знал.

– Тьфу на тебя, – ответил Матвей. – Я нормальной ориентации.

– Фоловер – это по-нашенски подписчик, – пояснил я.

– Вот и выражайся по-нашенски, – парировал Матвей. – Взяли моду материться по-забугорному: фоловеры, лайки, кофе-брейки всякие… По-русски говорить надо, в России живучи.

Он сжевал еще кусок шашлыка, пока я пережидал вспышку его лингвистического патриотизма, а затем сказал:

– Ну, и что бы я узнал из твоего инстаграма?

– Попрошу мою православную сетку с этим исчадием ада не сравнивать! – нарочито строго сказал я, немного подольстившись к матвеевскому патриотизму. – Ладно, сейчас расскажу.

И я пересказал ему события последних дней. Матвей слушал внимательно, настолько, что даже шашлык отложил.

– Круто! – вынес он свой вердикт по окончании моего рассказа. – Ну, наконец-то, надо будет свечку поставить, что ли. За здравие, естественно.

– Хорош подкалывать, – сказал я ему, – лучше шашлык доедай, остынет совсем.

– Остынет – отдадим собачкам, а себе другой купим. – Кажется, Матвей был воодушевлен поболее моего. – Старик, чего ж ты сразу не рассказал?

Я пожал плечами:

– Да что тут важного? Ну, познакомился с девочкой, первый раз, что ли.

Матвей достал из кармана пачку какого-то курева (курил он редко, но до конца от пагубной привычки избавиться не мог, а вейп откровенно презирал; «сегодня начнешь парить, завтра перейдешь с пива на смузи, а послезавтра проснешься с мужиком», говорил он), подкурил и сказал:

– Понимаешь, брат… мы с тобой из того поколения, для которого нет никаких преград в виде морали там или религиозных заповедей. В то время, когда мы

росли, было все разрешено, что не запрещено. Нас учили, что заботиться надо только о себе, а любовь – ничто, пустой набор букв, за которым маскируется желание обладать. Мы и выросли такими, зная, что нам можно все и плата за это – в виде тех же чувств – совершенно не обязательна. «She’s got a pussy, I have a dick, so, what a problems, let’s do it, quick!», как в песне поется.

И это нам на первых порах очень даже нравилось. Не знаю, как тебе, а мне так да. А потом я пошел на четвертый десяток и, не поверишь, начал чувствовать какую-то пустоту. Чего-то в жизни не хватало. Тогда я и начал задумываться над тем, как я живу. И как буду жить дальше. И понял одну очень простую вещь.

Матвей взял со столика, за которым мы сидели, вторую бутылку пива и хулиганским образом открыл ее об угол означенного стола.

– Старик, – сказал он. – Мы с тобой взрослые, самодостаточные мужики и будем такими еще довольно долго. В социально-бытовом смысле мы без женщины вполне можем обходиться; в сексуальном – можем запросто найти на ночь или на пару недель молодое, упругое девичье тело… по крайней мере, для меня все вышесказанное истинно. Казалось бы, на кой при таких условиях какие-то отношения? Зачем себя обременять? А поди ж ты…

С какого-то времени одиночество начинает тяготить, и ни компания друзей, ни веселые девочки, которых без труда можно подснять на Патриках или Арбате, эту тяготу не убирают, хоть об стену бейся. Тогда я сел, много подумал да и звякнул Дашке, зная, что та ко мне неровно дышит. А уж Дашка своего не упу… тьфу, холера…

Он сплюнул на землю:

– Ну, ты глянь, косточки кусок! Вот паразиты, уж совсем мышей не ловят! А я решил было, что зуб сломал.

Я пожал плечами. Честно говоря, ничего из того, о чем говорил Матвей, мне было незнакомо. Не тяготился я своим одиночеством, но и не радовался ему – просто не ощущал себя одиноким, наверно.

А Матвей словно читал мои мысли:

– А тебе, наверно, еще хуже приходится. Я-то постоянно с живыми людьми общаюсь.

– А я, по-твоему, некромант, что ли? – спросил я.

– Ну, ты-то больше в Интернете сидишь, – ответил он.

– Ты так говоришь, как будто в Интернете люди не живые, – ответил я. – Матвей, те, с кем я общаюсь, не боты и не пришельцы с Нибиру. Они такие же люди, как я и ты…

– Такие – да не такие! – воскликнул Матвей. – Ты не думай, что я питекантроп какой-то. Я тоже в Сети бываю, даже страничку у тебя в «Мы» завел…

– Не видел еще, – ответил я честно. Вообще, в моей сети последнее время настоящий бум регистраций, в день заводится до ста тысяч страниц. За всем не уследишь, даже в зоне рунета. Хм, так вот откуда его расспросы, читал небось мои откровения, а сам шлангом прикидывается, язва! – И что ты думаешь о Сети?

– В Интернете нет настоящих людей, – ответил Матвей. – Это какой-то грандиозный маскарад: аватары, ники, придуманные биографии…

– Точно подмечено, – сказал я, тоже вставая. Пиво было допито, шашлык съеден. – А тебе не приходило в голову, что именно эти маски и есть настоящие лица?

Матвей недоуменно на меня уставился:

– В смысле?

– В прямом, – ответил я. – Скажи, тебе свое лицо никогда не представлялось чужим? Ты никогда не представлял себе себя другим, на себя не похожим?

– Не-а, – простодушно ответил Матвей.

– И что, ты прямо с детства мечтал торговать автозапчастями? – спросил я. Матвей чуть не остановился (мы шли обратно в сторону кафе и выхода из парка).

– В детстве я мечтал стать ветеринаром, – неожиданно признался он, потупившись. – Нашел как-то щенка, у него лапа была перебита, и вообще… хотел его выходить, вроде и получаться начало, а потом он возьми да помри. Как я плакал! Меня и когда били гуртом, было разок, сам понимаешь, что такое дворовое детство, так я и то не плакал, а тут… сидел, держал щенка на коленях и выл, а он уже холодным стал. И не расскажешь ведь никому, разве что тебе.

– Вот, – сказал я. – А в Интернете ты можешь эту историю рассказать. И найдутся те, кто поймет и посочувствует.

– Ага, и те, кто поиздевается, тоже найдутся, – сказал он, не глядя на меня.

А я вот на него пристально посмотрел:

– Старик, сдается мне, ты в Сети немного чаще бываешь, чем хочешь показать.

– Бываю, – нехотя сказал он. – Когда особо нефиг делать…

– Еще по шашлыку? – спросил я, когда мы подошли к кафе. Я очень хотел сменить тему, потому что мне показалось, что Матвей, как сейчас выражаются, вышел из зоны комфорта.

– Не, у меня и так пузо уже набито, – отмахнулся он. – А вот пива бы я выпил. Ты как?

Мы взяли пива, орешков и, подумав, кусок лаваша – рядом находился пруд с лебедями, которых мы решили покормить.

– Знаешь, – сказал Матвей, – у нас на Яузе утки плавают, так их народ в девяностые палками и камнями бил, с голодухи. Я, признаться, тоже. А вот на такую красоту, наверно, ни у кого бы рука не поднялась…

– Как сказать, – ответил я. – Боярам к столу печеных лебедей подавали.

– Так то, наверно, не такие были, – возразил Матвей. – Не верю просто, хоть убей. Слишком уж они красивые.

– Чудак-человек, – сказал я, бросив в воду кусок лаваша и глядя, как один лебедь клюет другого в тщетной попытке его отнять. – Красивых, значит, бить нельзя, а некрасивых можно?

– Иди ты, философ, – отмахнулся Матвей, бросив кусок тому самому обиженному лебедю. – Сразу видно, что в Интернете много времени проводишь, тебе абы поспорить…

Я пожал плечами:

– Думаю, это не от Интернета зависит. Устроены так люди…

– Ага, – поддакнул Матвей. – Устроены так люди, желают знать, что будет…

– И это тоже, – вздохнул я. Лаваш у нас закончился, и мы пошли вдоль пруда, сопровождаемые парой лебедей, явно недовольных окончанием банкета. – Не успел я «Мы» открыть, как там тут же стали появляться всякие гадалки, бабки агафьи, потомственные целительницы, умеющие заговаривать древние недуги вроде целлюлита и кариеса. Я их баню понемногу, а они все регистрируются и регистрируются…

– Так, может, не надо банить? – спросил Матвей. – Ну, хотят люди обманываться, кто им злобный Буратино? И потом, ты уверен, что все это пустышка?

– Да, – ответил я не моргнув глазом. – Хотя… вот ты в сны веришь?

Матвей допил пиво и опустил бутылку в урну, а потом ответил:

– Знаешь, Серый, моя бабка жила в Красногорске до войны. И вот снится ей однажды, что выходит она на крыльцо, а с запада гроза прет, да такая страшная! Молниями так и лупит. Небо застелила от края до края, но до них не дошла еще. И вот прямо перед ней молния бьет, аккурат в дом через два двора от их дома. И тот, как бабка говорит, вспыхивает, как будто из соломы был. А потом ветер как подует, и всю эту грозу обратно унесло на запад, и небо такое

чистое-чистое, лишь соседский дом догорает…

Я уже понял, к чему приснился этот сон, осталось лишь подтвердить свою догадку. Что Матвей и сделал:

– А через год напали фашисты. И вот докуда гроза дошла, дотуда и немцы дошли в сорок первом. А в дом соседский как раз бомба фашистская попала, одна воронка осталась. Так что, друг мой Серый, есть многое на свете, чего никакая логика не объяснит…

Глава 4

Двери наших сердец

Сергей Аникеев.

31 августа 20:52

Не могу не поделиться некоторыми мыслями, возникшими у меня сегодня. Хотя бы потому, что считаю крайне несправедливым те идеи, которые с абсолютной уверенностью отстаивают многие.

Сейчас модно во всем винить Интернет. Сетевое общение представляется эдаким козлищем, которое только ленивый не побивает камнями с криками: «Как страшно жить!», «Куда мы катимся, если заменили живое общение суррогатом!», «Раньше, без этих интернетов, мы были счастливее!». Подобным постам несть числа, и вся ирония заключается в том, что размещены они не на заборе, не написаны мелом на асфальте, а обитают в уютных и не очень уютных блогах в социальной сети.

Говорят, что в Интернете человек перестает быть собой, но то, что я вижу (а вижу я многое, потому что огромный кусок сетевой жизни по имени «Мы» постоянно перед моими глазами), говорит об обратном. В обществе человек вынужден носить маску, быть не таким, какой он есть, тем более – не таким, каким он хочет быть. Но в Сети у него нет на это нужды; именно в Интернете

человек и становится собой.

Интернет срывает маски. За все время моих наблюдений (а наблюдаю я за этим очень давно) мне стало понятно, что Сеть все же позволяет узнать истинное лицо человека. Здесь затравленная одноклассниками одинокая девочка может в один момент изменить свою судьбу, всего лишь однажды поделившись собственным хобби с читателями блога. Я помню ее. Сейчас, встретив уже взрослую, счастливую, замужнюю и успешную, никогда бы не подумал, что своей удачей она обязана парочке фото, сделанных на старый телефон. Цепная реакция сработала на «отлично» – одному понравился фасон, другого восхитил крой, третьего фантазия. Первый заказ, второй, десятый… Девочка-портниха стала робко, но уверенно выбираться из своей скорлупы, нашла единомышленников, встретила свою любовь в лице такого же, как она, творческого одиночки. Ее маска разлетелась вдребезги, явив миру человека, способного создавать и созидать прекрасное.

А вот другой блог. Его ведут тщательно и долго. Много мата, мало мыслей по существу, а если они есть, то обязательно матом. Это может быть ваш сосед или коллега, о котором вы бы никогда не подумали, что его нецензурный багаж знаний столь богат. Снаружи он вежливый, обходительный, даже немного подобострастный. Всегда обращается на «вы», всегда доброжелательный, хоть на хлеб намазывай вместо варенья. А внутри он именно такой. Говорят, стремление разговаривать матом называется в психиатрии копролалия, что в переводе на русский суть, простите, дерьмословие. Так что в бочке его души мед только на поверхности, но именно его блог позволяет узнать, что за субстанция под слоем этого меда. Еще одна маска разбита. Печально, что среди блогов именно такие чаще всего более популярны, чем журналы по-настоящему интересных людей. Грязь и пошлость всегда привлекает сильнее. Простому пользователю куда приятнее поливать грязью чужих людей в комментариях, критиковать внешность знаменитостей или друг друга, чем развиваться и тянуться к тем, кто выше. «Интернет – это помойка», – любят говорить они. Ну что же, у каждого – своя среда обитания.

Как вы знаете, политика моей сети демократична. Разрешено все, что не запрещено законом. Разрешено даже кое-что сверх этого – например, я инвестирую деньги в коллективную лицензию на прокат киноновинок, благодаря чему вы можете посмотреть у меня в сети последние [что-то зачеркнуто] шедевры мирового кинематографа в высоком качестве и с автоматическими субтитрами. Но хочу, чтобы вы знали: кое-что меня удручает.

Меня удивляют люди, создающие фанские комьюнити, и в этих комьюнити подвергающие своего кумира обструкции. Странные люди! Они говорят, что любят – актера, певца, политика, писателя, – и с удовольствием рассуждают на тему, как он постарел, как безвкусно был одет на каком-то мероприятии и с кем видели его будущую жену за двадцать лет до их знакомства. Бог с ними, с политиками: политику я не понимаю и не интересуюсь ею. И вообще, как по мне, идеальный строй – это монархия. Никто не рвет друг другу глотки на праймериз и не поливает грязью в ходе предвыборной кампании.

Но скажи на милость, ты, которая боготворила певицу X, зачем ты говоришь о том, сколько она сделала подтяжек? Никто из нас не молодеет, а ты в свои двадцать пять выглядишь хуже, чем она в сорок пять с учетом этих самых подтяжек. Что это – зависть? И ты, который красивыми мегабайтовыми простынями признается в любви актрисе У и постит на коленке состряпанные колажики с собой и ею (да еще и в формате. bmp, тяжелом, как жизнь нигерийского шахтера, за что я, как администратор сети, руки бы отрывал): почему ты не радуешься тому, что она встречается с молодым и явно любящим ее режиссером? Да, он ее моложе, да, на десять лет. Но они счастливы вместе, им хорошо вдвоем. Если ты так ее любишь – порадуйся за нее! Хотя почему-то мне кажется, что это не любовь.

[Track: В. Цой – «Это не любовь»]

Знаете, я иногда чувствую себя мистером Ферстом из старого советского фильма «Человек с бульвара Капуцинов». Я создал для вас соцсеть. Вы можете здесь отдыхать, общаться, слушать музыку, смотреть фильмы и читать книги (я приобрел для вас огромное количество лицензий на медиаобъекты). Вы можете созидать что-то свое, автоматически регистрируя авторское право на новый объект. Вы можете сделать очень много хорошего, доброго, полезного и просто красивого. Но чем занимаетесь вы?

Какой грязью вы заполнили пространство арендуемых мною серверов! Неужели же вам действительно интересно обсуждать только чьи-то неудачи, несчастья и ошибки? Неужели вам доставляют такое удовольствие чужие неприятности? И кто вы после этого?

Говорят, что аватары – это маски, за которыми скрываются люди, а по-моему, все совершенно наоборот. Аватары – это наши настоящие лица, лица, которые в «реальном» общении не увидишь. Только в Сети можно узнать, каков человек на

самом деле.

Потому внимательно смотрите на аватары и никнеймы друг друга. Потому что, если на аватаре змея, вряд ли носящий ее человек будет ангелом с крылышками. Очень вряд ли…

[Track: Король и Шут – «Лицо под маской»]

* * *

Мой друг Матвей, сам того не подозревая, натолкнул меня на одну идею. Даже странно, что она не пришла мне в голову раньше. Воистину я тормоз. В наше время легко узнать человека поближе. Мы сами раскрываем перед другими свой внутренний мир. Для этого духовного стриптиза существуют специализированные площадки – соцсети. Контакт, фейсбук, инстаграм и твиттер заменяют предбанники, в которые (если верить нашим этнографам) наши предки подглядывали, чтобы выбрать себе невесту. Но раньше посмотреть можно было только на тело; теперь легко можно заглянуть и в душу.

Странно, что довольно немногие это понимают и этим пользуются, думал я. Тогда я находился всего в двух шагах от мысли, которая могла бы изменить очень многое, но я так и не сделал эти два важных шага. Вместо этого я вошел в гугл и начал поиски.

Впрочем, искать долго мне не пришлось. Кажется, Карина была не из тех, кто «шифруется», скрываясь за аватарами. Я нашел ее в фейсбуке, в твиттере, нашел заброшенную страничку в инсте, а главное – обнаружил ее и в своей собственной соцсети. Такс, посмотрим…

Страничку она завела недавно, в конце мая, и вела на первый взгляд довольно активно. Почему «на первый взгляд»? Потому, что львиную долю записей составляли репосты. Феномен репостов не устает меня удивлять. Это отнюдь не новое изобретение – еще во времена Великой французской революции образованные люди вели «альбомы» и «дневники», куда записывали чужие мысли – мудрые и не очень. По сути, эти альбомы, кроме формы записи, ничем не отличались от современных блогов – те же репосты, те же наблюдения за окружающими людьми, сплетни, эпиграммы, стишки собственного и чужого

авторства и даже комменты – в альбомах порой делали записи знакомые и незнакомые люди. Особым шиком считалось иметь лайк от «селебритиз» – бедный Дюма-отец, по приезде своем в Россию, не знал, куда деваться от атакующих его дам того возраста, который уже начали именовать бальзаковским, докучавших ему своими альбомами. Даже открытки с котиками имели место быть.

В общем, ничто не ново под светом лунным, и я не удивлюсь, если какая-то из вавилонских глиняных табличек окажется древнейшим аналогом блога какого-нибудь Навуходоносора. Так вот о репостах. Люди копипастят чужие статьи, чужие мысли и шутки. Они словно пытаются присвоить себе чужое знание. Или накапливают богатства мысли? Мы не задумываемся, почему репостим ту или иную запись. Она нам понравилась? Но зачем для этого тащить ее к себе в дневник? Тем не менее мы, как сороки, волочем в свои электронные гнезда блестящие мысли.

Но от репостов есть польза, и немалая. Для стороннего наблюдателя они очень многое говорят о человеке. Раньше судили по друзьям, теперь – по репостам. Если человек репостит какую-то статью, значит, он соглашается с ней, не так ли? Наши странички в соцсетях – это селфи нашего внутреннего мира, ни больше ни меньше.

Проводя в Сети много времени, я обрел странное хобби – я знакомлюсь с людьми заочно. Захожу на их страницы и составляю о них свое впечатление. Могу сказать, что до того времени, когда я познакомился с Кариной, это мое умение меня ни разу не подводило: с некоторыми объектами изучения меня впоследствии сводила судьба, и я с легкостью находил с ними общий язык, используя свои знания о них, взятые с их страниц. Не для каких-то корыстных целей: просто каждому человеку приятно, когда с ним говорят на одном языке, и я заранее знал язык тех, с кем предполагал говорить.

Чем-то это занятие напоминало охоту на призраков или попытку нарисовать портрет ветра. Мы не видим ветер, но видим, как он гонит по небу облака, как колышет листву на деревьях, а иногда, в порывах гнева, срывает крыши с домов и, словно распоясавшийся хулиган, переворачивает урны, разнося мусор по улицам. Мы не видим душу, но способны описать ее – по словам, которые она произносит, по мыслям, которые считает ценными, по изображениям, которыми украшает свое пространство.

Язык блога – это язык души человека, и теперь я надеялся выучить язык Карины.

* * *

Карина Логинова.

01 сентября 08:12

На рассвете, на мягких лапах, в город вошла трехцветная кошечка-осень. Первый осенний денек… в наших широтах сентябрь, как правило, начинается дождями, но в этом году как будто повезло: не люблю дождливое время, не люблю унылую серость за окном. Даже и думать не хочется о том, что уже скоро свет солнца станет стеклянным и по улицам ветер понесет опавшие листья. Я уже вижу желтизну в зеленых, пушистых кронах…

Листопад наводит на меня тоску. Невольно думаешь о том, что время уходит, унося с собой молодость и красоту, что каждый день, как рождественский календарь наоборот, закрывает дверцы, ведущие куда-то, где я никогда не была.

Когда с деревьев облетают листья, мне не хочется даже смотреть в окно. Я ненавижу этот невольный стриптиз природы и жду, пока она не переоденется в серебристые одежды инея и снега. Тогда мир волшебным образом меняется. В нем появляется некий новый аромат предновогоднего волшебства. Мир в рождественском и предновогоднем ажиотаже явно сходит с ума, и самое лучшее – это сидеть дома и за толстым оконным стеклом, по которому скользят снежинки, наблюдать за всей этой кутерьмой.

Но прежде чем это случится, предстоит долгая, унылая осень, наполненная невеселыми мыслями о смерти и увядании, о неотвратимом и роковом. Как жаль, что рядом нет никого близкого! Может быть, тогда моя тоска не была бы такой кромешной. Может быть, кто-то, кого я не знаю, мог бы подарить мне немного лета или маленький кусочек новогоднего праздника в царстве осенней серости?

Но рядом никого нет, я вновь одна. Даже тогда, когда вокруг меня знакомые люди, которых я знаю уже много лет, – я все равно одна. Как тень среди теней, как солнечный блик на воде реки. Потому я знаю, что осень принесет мне

одиночество, и очень боюсь того момента, когда почувствую это. Когда трехцветная кошечка превратится в тигра, готового растерзать. Впрочем, одиночество и печаль не похожи ни на тигра, ни на какое-то чудовище из кошмаров – они словно бескрайнее серое болото, засасывающее в свои давящие глубины.

А мне хочется яркого света, хочется лета, хочется теплых южных ночей. Мне нужен карнавал, праздник, мне необходимо чувствовать, как жизнь кипит в крови, превращая ее в шампанское. Если ты не радуешься собственной молодости, не улыбаешься ей в лицо – ты крадешь у себя самое дорогое, то, что невозможно будет потом вернуть, – время.

Но мы теряем его и сами закрываем на замок дверцы своего рождественского календаря, даже не заглянув за них. Даже не узнав, что там – подарок, уголек или имбирный леденец…

* * *

Мы очень мало знаем о том, что такое любовь, хотя очень часто оперируем этим понятием. Сколько человек ежедневно пишет и произносит те самые три заветных слова? Наверно, миллионы, может, и миллиарды. Мы говорим: «Я тебя люблю» – так просто, что смысл этого слова как-то проходит мимо души. Но что такое любовь? Можно ли назвать любовью желание быть вместе с кем-то?

Любовь многолика, и у каждого она своя. Вряд ли найдешь две похожие истории любви. В тот день, в первый день осени, я впервые задумался о том, что значит любовь, что это слово означает для меня. Я отнюдь не являлся невинным мальчиком; у меня до Карины были девушки, с которыми я просыпался на рассвете, случались и такие, с которыми я встречался какое-то время. Возможно, кому-то из них я говорил о любви. Возможно – потому что я не помню этого.

Наверно, настоящая любовь – это не тогда, когда ты говоришь, что любишь, а тогда, когда помнишь, как сказал эти слова.

Говорят, бывает любовь с первого взгляда. Я с этим никогда не сталкивался, но у меня нет оснований этому не верить – дыма без огня, как известно, не бывает, значит, что-то такое в природе существует. Но я с этим феноменом был

совершенно не знаком. Встречая в Сети влюбленных, я, подсознательно, удивлялся и, что греха таить, в глубине души не верил их словам о своей любви. Когда сам не любишь, в то, что кто-то другой любит, тоже как-то не верится.

У меня никогда не было любви с первого взгляда, зато ко мне пришла любовь с первого прочитанного поста. Слова Карины о ее одиночестве, о том, как она нуждается в чьих-то чувствах, буквально, простите за банальность, поразили меня в самое сердце. Вообще, высокие слова кажутся нам банальными только до тех пор, пока мы не испытаем столь же высокие чувства. Иногда просто нереально говорить простыми словами, иногда душа может выражаться только высоким штилем – когда речь идет о настоящих чувствах.

Что такое любовь? Можно ли назвать любовью желание быть вместе с кем-то? Думаю, нет. По-моему, любовь отличается от симпатии, увлечения и так далее альтруистичностью, что ли… Любовь – это когда хочется не только брать, но отдавать, не только пользоваться, но и проявлять заботу. Когда любишь, естественным становится беречь и защищать то, что любишь. Создавать тому, кого любишь, максимально комфортные условия. Настоящая любовь в первую очередь отдает, в первую очередь заботится.

Может быть, любви стало так мало только потому, что мы больше сконцентрированы на себе. На том, что нужно нам. Мы думаем о том, что принесет любовь нам, но не спешим сами давать тем, кого любим, то, что нужно им. Потому мы не притягиваемся, а отталкиваемся, и одиночество, хотя об этом мало кто говорит, стало главной проблемой нашего века.

Я сам был таким. Я (подсознательно, наверно, потому что сознательно я об этом не задумывался) ждал, когда кто-то полюбит меня. Но в тот день в моей судьбе что-то навсегда изменилось, как у Адама, взявшего запретный плод и надкусившего его, превратив в будущий товарный знак фирмы «Эппл». Рубикон был форсирован совершенно незаметно; сам того не понимая, я раз и навсегда изменился.

Карина писала о дверцах, которые мы не открываем. Очень хороший образ – в судьбе каждого человека есть множество дверей, навсегда оставшихся закрытыми. Множество оставленных позади развилок, на которых мы могли бы свернуть в другую сторону. Но мы сделали свой выбор и никогда не узнаем, куда можно было бы прийти, выбери мы другую дорогу или дверь.

Потому подчас решение принять очень сложно, но иногда оно принимается словно само по себе, без нашего участия. Просто потому, что ты не можешь поступить иначе, потому, что ты чувствуешь, что это – твоя судьба. Такой выбор вовсе не гарантирует от неприятностей и даже катастроф, но это твой выбор. Свой выбор я сделал.

Что-то внутри меня, что-то очень сильное, просто непреодолимо сильное, потянулось к Карине, увлекая всего меня за собой. Это уже не та слегка ироничная симпатия к Золушке и Снежной королеве, что была у меня раньше. Это оказалось властным чувством, и сопротивляться ему не представлялось ни малейшей возможности.

И ни малейшего желания.

Смерть или спасенье, свет или тьма… Может быть, люди так любят азартные игры именно потому, что они очень напоминают саму жизнь с ее выбором втемную? Решаясь на что-то, мы делаем ставку, которая может принести нам невероятный выигрыш, а может вчистую нас разорить; но если в казино (до которого я не охотник, мне и в жизни хватает азарта) мы можем проиграть только деньги, хотя и из-за этого, бывало, сводили счеты с жизнью, то в игорном доме по имени судьба проигрыш может означать полный и безоговорочный крах. А выигрыш – всего лишь счастье, то есть именно то, что ищет каждый из нас.

Потому-то многие и не решаются сделать шаг, принять решение. Подсознательно все мы знаем, как много поставлено на карту. Но я не сомневался: слишком манящим был выигрыш, слишком вожделенной – ставка на кону.

Я стал искать телефон, но нашел его не сразу. Не то чтобы у меня в квартире царил бардак, но и порядком это отнюдь не назовешь. Потому телефон мог быть где угодно, но отыскался на кухне, на подоконнике.

Я присел на табурет у окна. Нет, я не колебался в принятом решении, не пытался отсрочить то, что намеревался сделать. Я лишь взял небольшую паузу для того, чтобы посмотреть во двор.

Я люблю свой двор, хотя это – самое обычное пространство меж четырех типовых многоэтажек. В Москве подобных дворов тысячи, есть они, наверно, и

по всем городам России, от Калининграда до Владивостока. На покрытой резиной спортплощадке стайка младших школьников с увлечением гоняет мяч; рядом подтягивается крепкий пенсионер в синем спортивном костюме с начесом. На лавочках греются на солнце старушки, на детской площадке мамочки судачат о чем-то, пока их детки лепят куличики из песка и даже, по-моему, пытаются употребить их по назначению. У неработающего сейчас, но иногда все-таки включающегося гипсового фонтана мужчина в берете и плаще, похожий на художника, выгуливает мелкого, довольного жизнью комнатного песика, с хозяйским видом гоняющего от фонтана голубей.

День стоял солнечный; он ничем, кроме даты в календаре, не отличался от вчерашнего. В природе осень не торопилась наступать, возможно, она тоже разнежилась в лучах летнего солнышка. Но если приглядеться, то можно было заметить – она уже здесь, она уже успела окрасить первые листочки золотом и багрянцем, хотя кроны деревьев все еще пребывали в основной массе зелеными.

Осень идет… я вспомнил слова Карины об осени и поежился. Лично я осень всегда любил, а ноябрь вообще, наверно, самый мой любимый месяц в году. Осень уже полностью вступила в свои права, села на трон, как царица из старой волшебной сказки. В золотом уборе из опавших листьев клена она кажется почти непобедимой. Но в холодном воздухе чувствуется приближение скорой зимы, и царица дрожит, а опавшие листья клена шелестят под его ледяным дыханием.

Может быть, я просто люблю смену времен года. Хотя нет, стабильные периоды я тоже люблю, но по-другому. Наверно, от природы мне достался какой-то внутренний источник питания, не позволяющий хандре и неудовольствию надолго задерживаться у меня в душе.

И, наверно, если у тебя есть такой источник, тебе мало того, что он согревает только тебя одного, тебе просто жизненно необходимо согреть еще кого-то. Если есть такая возможность, почему бы и нет?

Я мог записать Карину как Золушку или Снежную королеву – я часто именую людей их никнеймами, а если таковых нет, придумываю их сам. Но нет – у меня Карина значилась под своим именем.

Вместо гудков у нее была какая-то ближневосточная мелодия, которую хитрый оператор мобильной связи устанавливает якобы бесплатно, но поменять ее даже на простые гудки уже стоит денег – а большинство все-таки меняет. Пока она взяла трубку, я успел прослушать куплет с припевом. Нельзя сказать, что меня это сильно обогатило культурно.

– Слушаю, – холодно, голосом Снежной королевы, сказала она.

– Привет, – сказал я. – Это Сергей, мы на выставке познакомились. Вы как насчет сходить куда-нибудь, не против? Если вам, конечно, это удобно…

Между моим вопросом и ее ответом прошло, может, секунды две, не больше, но эти две секунды показались мне удивительно долгими. И я понял, что волнуюсь: согласится ли? Не откажет ли, раз у нее опять режим Снежной королевы?

– Сережа, – ее тон моментально изменился, потеплел, словно испарился ледяной панцирь, сковывавший его. – Ну что вы, конечно! Я сейчас на работе, но освобожусь к пяти…

– Куда за вами заехать? – спросил я, чувствуя, возможно, необоснованную, но уверенность – все получилось! Не знаю почему, но ее ответ вселил в меня оптимизм, ничем особо не подкрепленный, но абсолютно прочный.

– Сейчас я продиктую адрес, – сказала она. – И, кстати, давайте на «ты»… если хотите, конечно.

Я был не против.

Часть 2

Ветра судеб

Глава 1

Сон наяву

– Как же я устала от этого Парижа!

Не могу сказать, что разделяю чувства Карины, но вполне понимаю. Париж действительно не похож на ту сказку, которая существует у большинства наших сограждан. Нет, он по-прежнему стоит мессы, но вот умирать после знакомства с ним уже не тянет.

Его былое очарование никуда не делось, оно все еще здесь, но, словно фрески старинного собора, скрыто под многими слоями штукатурки. По-прежнему высится белыми куполами похожий на Тадж-Махал Сакре-Кёр. Сена все так же несет свои воды, покачивая баржи, на одной из которых, как известно, живет Дункан Маклауд, горец. В Сене по-прежнему отражаются кажущиеся издалека темными и мрачными очертания воспетого Гюго собора Парижской Богоматери. И все так же соединяет берега мост Александра III, родной брат Троицкого моста в Питере.

Обращенный в музей Лувр по-прежнему хранит свои несметные сокровища, очаровывая и разочаровывая, ведь на репродукции та же Мона Лиза выглядит куда впечатляюще. По-прежнему раздражает его посетителей стеклянная пирамида музея современного искусства, столь же уместная среди окружающего дворцового великолепия, как клоун на военном параде. Никуда не делся Версаль (разве что исчезло былое расстояние между ним и Парижем, но это случилось еще до моего рождения, так что не в счет), и все так же Триумфальная арка напоминает о победе, которой не было…

А проход в нее теперь, между прочим, стоит десять евро. Когда я это узнал, то невольно вспомнил об Остапе Бендере, собиравшем деньги на ремонт пятигорского Провала. Ну что ж, в каждом монастыре свой устав.

Я прекрасно понимаю Карину, понимаю причины ее разочарования. Нельзя сказать, что Париж совсем ее не впечатлил – это не так. Я помню ее восторг на обзорной площадке у Сакре-Кёр – в нем было что-то детское, как у ребенка, неожиданно оказавшегося в Диснейленде. Ее восхитил и сам собор, и вид на Париж, открывавшийся с его обзорной площадки.

Я видел, как ей понравился Версаль. Наверно, трудно устоять перед великолепием и роскошью Большого Трианона. К тому же она призналась мне, что мечтала побывать в резиденции французских королей еще со времен просмотра «Марии-Антуанетты» Копполы.

Мы ходили по залам Трианона в компании русскоязычного и, надо сказать, тактичного и неназойливого экскурсовода – потомка эмигрантов из первой волны. Тактичность нашего сопровождающего оказалась столь велика, что он позволял нам оставаться наедине в понравившемся нам месте довольно надолго (впрочем, уединение это являлось весьма относительным, поскольку единственным недостатком Версаля наших дней являлась его многолюдность). В один из таких моментов Карина призналась мне, что не понимает, почему французы отказались от монархии, с учетом окружающего великолепия.

Я объяснил ей, что это великолепие было доступно немногим, более того – у большинства людей не имелось вообще никаких шансов даже увидеть этот дворец, не говоря уж о том, чтобы его посетить. Настроение Карины моментально поменялось: она согласилась с тем, что жестоко жить в такой роскоши, когда большинство людей живут в нищете.

– Но у каждого человека не может быть Версаля, – сказал я.

– У каждого человека должен быть шанс построить свой Версаль, – убежденно сказала она.

В этом было рациональное зерно, но у меня осталось неприятное впечатление – не от слов Карины, а от внезапно проснувшейся в ней Снежной королевы. Впрочем, вскоре ее сменила Золушка, куда более органичная в окружавших нас интерьерах.

Ей понравился Версаль, но не понравился Лувр. Лувр показался ей скучным, что меня удивило. Лично у меня от его коллекций захватывало дух, Карина же смотрела на все довольно равнодушно. Причину этого я выяснил довольно быстро, в знаменитой галерее, где, согласно Дэну Брауну, наемник Опус Деи убил хранителя тайны Моны Лизы. Собственно, раздражение Карины как раз «прорвалось» у этого полотна.

– Все не так, – сказала она задумчиво. Вообще-то, если бы я (опять-таки, спасибо Интернету) не был готов, возможно, я бы тоже почувствовал себя разочарованным. Потому я не стал переспрашивать, что не так, но Карина сама мне пояснила: – Все не такое величественное, как на картинках. Старинные статуи выглядят грубыми и обветшалыми, картины – или слишком маленькие, или… не знаю, но все не так, как я думала.

Я пожал плечами, не зная, что ей возразить. Я, в общем-то, далек от искусства, но меня, как я уже сказал, коллекция Лувра впечатлила. Тициан, Боттичелли, тот же Да Винчи… наверно, прежде чем посмотреть на что-то наяву, лучше побольше узнать об этом в Сети…

Но хуже всего на Карину подействовал собор Парижской Богоматери. Я, признаться, не сразу это понял. Казавшийся издалека темным, вблизи он как-то посветлел, и его громада показалась мне чем-то фантастическим: возносящиеся к небу башни, огромная розетта, статуи королей, сверху вниз глядящие на снующих внизу простых смертных… Внутри собор был столь же величественным, как и снаружи, поражая высотой пролета нефа, к тому же Нотр-Дам обзавелся голосом – на нем появились колокола, внутри звучал орган…

Однако Карина следовала по «тропе паломника», по которой проходили посещавшие Нотр-Дам туристы, закусив нижнюю губу и глядя на все отрешенно. Когда я попытался восхититься величием собора, она лишь плечами пожала:

– Церковь как церковь, только большая и старая.

– А чего ты ожидала? – удивился я.

Она опустила взгляд и сказала медленно:

– Я ожидала чего-то более мрачного, более таинственного, более интригующего и пугающего. Как в мюзикле.

Я понял, о каком мюзикле она говорит, и не стал развивать тему. Не люблю «Нотр-Дам» ни во французской, ни тем более в русской интерпретации, может, потому, что читал Гюго, а может, потому, что тема из этого мюзикла в свое время набила оскомину, ведь звучала она в каждом кафе, в каждой проезжающей машине…

В целом Париж, похоже, вызвал у Карины разочарование. У меня не вызвал – я живу в Сети и, по чужим рассказам, знал, к чему готовиться. Повторю: очарование Парижа никуда не делось, как никуда не делись фрески старинного, многократно отреставрированного собора. Но так же, как эти фрески часто скрыты под слоем более новых, а порой и просто заштукатурены, закрашены или покрыты многовековыми слоями копоти и пыли, так и очарование Парижа, который стоит мессы, утонуло в современности с веселым бульканьем.

Да простят меня парижане. Мне действительно понравился их город. И не только Сакре-Кёр, Нотр-Дам де Пари, Версаль и Лувр. Мне удалось почувствовать тот романтический тон, за который Париж всегда любили артистичные натуры. Но как непросто уловить это в современном Париже! Этот город всегда был многолюден, как Вавилон, в нем всегда было много иностранцев, но сейчас – такое ощущение, что ты не в сердце Западной Европы, а в каком-нибудь Маракеше. Встречал я блогеров, критиковавших нашу власть за многолюдство на мусульманских праздниках в Москве. Сам живя в этом городе, однако, никаких намеков на это многолюдство я не замечал, но, возможно, я не особо внимателен или мне не «посчастливилось» побывать в нужное время в нужном месте. В Париже, однако, мусульманскую общину не заметить было невозможно. То, что многие названия заведений дублированы арабской вязью, меня не поразило. Меня поразило то, что в некоторых кварталах арабские названия дублируются по-французски. К тому же не всегда, иногда они сделаны только арабской вязью.

Я отнюдь не отношу себя к скинхедам или нацикам; эта категория мне противна настолько, что я даже баню у себя в сети их страницы. Но местами в Париже (и даже на Елисейских Полях, которые, пожалуй, разочаровали меня больше всего) мне хотелось спросить – а где, собственно, Франция? И что делают французы в этом ближневосточном мегаполисе?

Мы с Кариной и близко не приближались к печально известному Моленбеку, но несколько раз чувствовали к себе нездоровый интерес со стороны вездесущих групп молодых людей арабской и африканской наружности. Пару раз на нас налетали стайки ребятишек, якобы случайно, но я (будучи предупрежден теми же записями из блогов) чувствовал, как эти от горшка два вершка наследники Салах-ад-дина своими ручонками пытаются шарить у меня по карманам. Им, понятно, обломилось – все ценное я держал у себя в нагрудном кармане куртки, а Карина – в крохотном клатчике. Я предлагал ей отдать мне паспорт и ценные вещи, но она отказалась и едва не поплатилась за это – на пешеходном

переходе какой-то ушлый малый едва не вырвал у нее этот клатчик. Однако я тут же (опять-таки, по совету блогеров) громко сказал ему пару тех русских слов, которые нечасто встретишь в академических словарях. Сработало – клатчик был спасен, а Карина – дико удивлена тем, что я умею материться (я не стал ей рассказывать, что выдал первые две строчки одной из версий Большого Петровского загиба).

А один раз к нам даже подошло несколько молодых, плохо одетых людей, судя по лицам – из разных ближневосточных и североафриканских областей, но собравшихся в единую компанию. К счастью, они еще издали начали «выражать неприличное восхищение» Кариной (на арабском, но я, опять-таки, прочитал о подобном в одном из блогов, потому понял, о чем идет речь), потому не успели они подойти на расстояние плевка, как я посмотрел прямо в глаза одному из них, горбоносому и чем-то похожему на Бандераса, но с подживающим фингалом под глазом, который мне показался вожаком этой стаи, и внятно сказал:

– I am from Russia. Do You have some problem?

Эта, в общем-то, совершенно нейтральная фраза подействовала так, как надо: молодые люди аккуратно обогнули нас с Кариной и сделали вид, что дико заинтересовались магазином халяльной мясной продукции (на витрине этого магазина гордо высилась кабанья нога для хамона, возможно, тоже отнесенная к халяльной пище; если учесть, что алкоголь, который Пророк не любил столь же сильно, как и свинину, потреблялся здешней смуглой молодежью повсеместно, я этому ничуть не удивлюсь), а мы продолжили свой путь.

* * *

Впечатление «Нового Могадишо» только усиливала грязь, прочно поселившаяся на парижских улицах. Говорят, Париж и раньше чистотой не отличался, но это… загаженные улицы, загаженный Венсенский лес, Сена, несущая своими волнами целлофановые пакеты и пятна мазута… Даже такая, казалось бы, незыблемая вещь, как Елисейские Поля, и то не избежала этого поветрия – у самой Эйфелевой башни ветер лениво волочил по улице вездесущие макдоналдсовские и старбаксовские стаканчики, вокруг лавочек и урн громоздились залежи мусора, а вездесущие голуби растаскивали по округе недоеденные бигмаки. У меня сложилось стойкое впечатление, что чистота в Париже нужна была только

французам, притом старше среднего возраста. Только они выглядели опрятно, и только они использовали урны по прямому назначению. Молодежь же, независимо от цвета кожи, вела себя совершенно по-свински: кажется, съесть мороженое и бросить упаковку под ноги считалось здесь чем-то совершенно обыденным.

Мое нелестное мнение о молодых парижанах Карина разделяла целиком и полностью. Поводом для этого послужило, однако, вовсе не то же, что у меня. Карине не нравилось то, что аборигены, близкие ей по возрасту, с ее слов, одевались как бомжи, громогласно слушали низкопробный рэп и порой колбасились под него, так сказать, не отходя от кассы, а их волосы, опять-таки со слов Карины, казалось, не мыты с прошлогоднего Дня взятия Бастилии.

И все-таки за всем этим – за столпотворением приезжих, ведущих себя как хозяева в самом плохом смысле слова, за грудами мусора и неопрятностью улиц, за разрисованными малохудожественными граффити старинными стенами – жил и дышал тот самый романтический Париж, так любимый поэтами, художниками и прочими творческими людьми. Я сумел его разглядеть, сумел почувствовать тот флёр загадки и романтики, который поселился на берегах Сены едва ли не со времен Хлодвига. Более того – сейчас, в наше время, Париж показался мне даже более привлекательным, чем тот, что я видел в рекламных буклетах и видеороликах с сайтов турагентств. Беззащитный, ранимый и униженный, он еще больше притягивал. И я даже подумывал бы о том, не прикупить ли здесь какую-нибудь недвижимость – квартиру, а может, и баржу, если они продаются… если бы не Карина.

* * *

Мы с Кариной сидели в ресторане «Жюль Верн» (если кто не знает, Ги де Мопассан называл его «единственным местом в Париже, откуда не видно Эйфелеву башню», поскольку он находится на площадке этой самой башни). Это был уже не первый наш визит на эту конструкцию, и даже пообедать на ней мы успели, но, так сказать, этажом ниже – в ресторане «Эйфель-58». Обед шел в одном пакете с посещением «Мулен Руж» и прогулкой по Сене на маленьком, производящем удручающее впечатление прогулочном катере. Мне прогулка понравилась, но Карине нет: погода была по-весеннему свежей и прохладный атлантический ветер, если мне не изменяет мой склероз, именовавшийся аквилоном, не позволял сполна насладиться пребыванием на прогулочной

палубе, да к тому же нагонял короткую, противную волну, от которой у нас к исходу прогулки появились легкие симптомы морской болезни. А вот «Мулен Руж» пришелся Карине по душе, и меня это искренне порадовало. Мы вернулись в номер под утро и провели там довольно страстную ночь, если можно так выразиться: когда мы, усталые и довольные, заснули в обнимочку, солнце, предательски прятавшееся во время нашей прогулки по Сене, ничтоже сумняшеся освещало древний город едва ли не из зенита.

В «Жюль Верн» попасть оказалось сложнее, поскольку сам ресторан меньше и столики в нем бронировались на недели вперед. К тому же их «значимость» разнилась – более востребованными являлись стоящие по периметру, ведь основной смысл такой трапезы и состоял в том, чтобы поглощать пищу на фоне парижской панорамы. Да и сам периметр оказался неравнозначен в этом отношении – та его часть, что выходит на Елисейские Поля, кажется, вообще была недоступна простым смертным, и я взял столик в другом месте, недалеко от одной из ажурных балок. Отсюда открывался прекрасный вид на Йенский мост и набережную Бранли. Перед нами величественно текла Сена. По ней, несмотря на поздний час, медленно плыли расцвеченные праздничной иллюминацией братья нашего утлого корытца, заставившего нас с Кариной ощутить все прелести морского круиза до изобретения успокоителей качки, а оба берега реки были заполнены россыпью бриллиантов-огней: как и Москва, как и любой другой мегаполис, Париж никогда не спал, но у него это получалось особо артистично, неприлично и празднично.

Да, я полюбил Париж – вопреки всему тому, о чем сказано выше. Легко, наверно, любить что-то, в чем нет недостатков, вот только единороги и эльфы в природе не существуют, а ангелы если и существуют, то невидимы человеческому глазу. В реальной жизни у всего есть изъян; когда мы влюблены, мы не замечаем этих изъянов, но настоящая любовь начинается как раз тогда, когда все они становятся нам известны – и мы принимаем того, кого любим, таким, какой он есть.

Увы, но Карина не разделяла моих чувств. Наша спонтанная поездка сразу же не вызвала у нее энтузиазма. Если бы можно было откатить все назад, наверно, я обставил бы это как-то по-другому, но тогда мне это показалось хорошей идеей. Я-то подготовился заранее, начал еще с Нового года, который мы с ней впервые провели вместе, вдвоем. Я увез ее на юг, в Крым; признаться, сначала она тоже оказалась недовольной.

– Ехать на Черное море зимой, когда ни искупаться, ни позагорать? Нонсенс! – говорила она, но неделя в полупустом пансионате на ЮБК, неделя ласки и неги, которую никто не прерывал, ее переубедила. К тому же персонал относился к нам как к королевской чете, что тоже пришлось по душе моей Золушке.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеются в виду компании «Microsoft» и 3M.

2

Мод – сокращенно от «модификация», самодельный вариант компьютерной игры с иным сюжетом, героями, антуражем и т. д.

3

Обыгрывается название крупнейших производителей фототехники – Nikon и Canon.

4

IPO – первоначальное публичное размещение части пакета акций на открытых торгах. В данном случае необходимо было для подтверждения стоимости компании и привлечения банковских кредитов, инвестиций и прочих сделок привлечения средств.

5

BIOS – системное программное обеспечение, лежащее в основе работы компьютера. Созвучно с греческим словом «Био», что означает «жизнь».

Купить: https://tellnovel.com/ru/oleg-roy/ne-ostavlyay-menya-lyubimyy

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить